

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ И ЭПОХАХ

ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВА

КРЕМЛЕВСКИЕ ЖЕНЫ

Лариса Николаевна Васильева

Кремлевские жены

Серия «История в лицах и эпохах»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66260704
Лариса Васильева. Кремлевские жены: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-139206-2

Аннотация

Документально-публицистическое исследование Ларисы Васильевой посвящено судьбам тех женщин, чьи мужья были руководителями советского государства. От Надежды Крупской до Раисы Горбачевой автор рисует портреты «кремлевских жен», повествуя об их характерах, поступках и сложных хитросплетениях их жизненного пути. Какими были эти спутницы первых лиц СССР? Была ли счастливой их жизнь за кремлёвскими стенами? Почему некоторые из них были арестованы или отправлены в ссылку? Особое место в книге занимают те, кто не в роли жены, а в качестве соратницы входил в коридоры Кремля: Лариса Рейснер, Александра Коллонтай, Галина Семенова. Книга построена на уникальных архивных материалах, личных впечатлениях, беседах с очевидцами и воспоминаниях современников.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Вступление	5
I. Надежная Надежда	10
Румяная девушка или «синий чулок»?	10
Возраст любви	32
Созидательницы разрушения	62
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Лариса Васильева

Кремлевские жены

Фотоматериалы предоставлены ФГУП МИА «Россия сегодня», фотоагентством EAST NEWS Russia и ФГУП ИТАР-ТАСС (Агентство «Фото ИТАР-ТАСС»)

Фото на обложке: ФГУП МИА «Россия сегодня»

Фото на 7-й полосе вкладки размещено на основании статьи 1274 ГК РФ о свободном использовании произведения в информационных, научных или культурных целях.

© Васильева Л. Н., наследник, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Вступление

Кончался двадцатый век. Открывались железные занавесы, глухие двери, плотные шлюзы. Тайное становилось явным. Усталое человечество захлебывалось в потоке информации о прошлом, жадно впитывая этот поток, ища в нем объяснения, обвинения или оправдания неудачам сегодняшнего дня.

Где ошибки?

Кто-то видит их в неправомерности социалистического пути. Кто-то ничего социалистического в этом пути не видит. Кто-то ищет ошибку в тайне приезда Ленина через Германию на землю революционного Петрограда. Кто-то – в большом терроре Сталина, кто-то – в волюнтаризме Хрущева, кто-то – в неподвижности Брежнева, кто-то – в легкомыслии и непоследовательности Горбачева.

Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет.

В этих строках Бориса Пастернака, кроме волнения о правде бытия, способной уплыть в небытие, увидела я однажды некий второй план: пересуды...

Почему-то люди всегда пишут о важном, но не всегда интересном, о второстепенном же, но жгуче интересном, умалчивают.

Из всей огромной, безумной истории России двадцатого столетия выпали в некий осадок и лежат на дне событий женщины Кремля. Жены.

Кто они?

Какова их роль в общеисторическом процессе? Как отыгралась на них эта роль?

Была ли на самом деле такая роль? Или все обошлось спецкухней?

Не оставались ли они лишь бледными тенями пугающе великих или ничтожных мужей?

А если в жизни на самом-то деле всё происходило иначе и за каждым Его поступком всегда стояла Она?

Так родилась идея книги «КРЕМЛЕВСКИЕ ЖЕНЫ».

Три дороги были передо мной.

Первая – исследования и книги-воспоминания. Где их взять? В наших и зарубежных изданиях, посвященных общечеловеческой, а точнее, мужской истории, о женщинах Кремля – лишь крупинцы, чаще вообще ничего нет. Есть отдельные издания, касающиеся Крупской, Арманд, Коллонтай. Есть их произведения, где об интересном тоже умалчивается. Есть сегодня немало воспоминаний «жен врагов народа» – трагических, волнующих, но тоже скрывающих нечто, самое интересное.

Вторая – легенды, слухи, сплетни. Несolidно? Да. Однако даже серьезные историки говорят, что слухи являются важным источником информации. Да и есть ли женская жизнь без легенд, слухов и сплетен? На этой дороге встретилаcь я с изобилием интереснейшего, весьма недостоверного материала, но именно он потянул меня к третьему пути, дабы попытаться установить истину.

Третья дорога – архивы, рукописи, документы, письма, встречи с живыми героинями, с родственниками и близкими знакомыми умерших героинь. Нужно ли говорить, сколь захватывающе интересен был этот путь, на котором ждали меня неожиданные, а порой и сенсационные открытия?

Была еще четвертая дорога – собственная тропа. Так сложилась моя жизнь, что время от времени мне приоткрывались каменные завесы Кремля. Я не жила кремлевской жизнью, но в разные периоды и по разным обстоятельствам на короткое время оказывалась внутри этого своеобразного быта, отчего впечатления, не притупленные повседневностью, были острыми, запоминающимися. Судьба также свела меня с писателем Иваном Поповым, работавшим в эмиграции с Лениным: летом 1953 года, не желая записывать свои уникальные, но, по его мнению, могущие быть опасными знания, он использовал мою память как записную книжку, за что на всю жизнь останусь ему благодарна.

Не могу не сказать спасибо здоровствовавшим в дни мо-

их поисков кремлевским женам, детям, внукам, племянникам, друзьям ушедших из жизни – всем, кто в сегодняшнем нелегком для них дне нашел возможным рассказать мне не всегда лицеприятную правду о себе и о любимых, дорогих памяти людях.

Хочу также поблагодарить всех историков и мемуаристов советского периода, как официальных, обмыливших и выгладивших историю, давших мне возможность думать от противного, так и неофициальных, и зарубежных, за то, что ни те, ни другие, ни третьи не додумались до темы «КРЕМЛЕВСКИХ ЖЕН». Выражаю благодарность сотрудникам ЦГАЛИ – директору Наталье Борисовне Волковой, Елене Ермиловне Гафнер и сотруднице библиотеки бывшего Института марксизма-ленинизма Евгении Михайловне Золотухиной.

Каждая моя героиня «самая-самая». Избранница Первого. Иногда – Второго. Или такого яркого Третьего, что не обойдешь. Несколько кажущихся случайными героинь напрямую связаны с темой книги. Все они реальны. Рисуя их, я старалась быть объективной, а подобные старания, как известно, приводят к субъективизму. К счастью, у писателя всегда есть возможность соотнести образ с фактами и легендами и, не без помощи воображения, найти свою истину.

В процессе работы мне открылась одна из ошибок, быть может, главная ошибка века – словно иголка в стоге сена.

Узнать ошибку вы сможете, прочитав «КРЕМЛЕВСКИХ

ЖЕН» до конца, за что я каждому заранее благодарна.

АВТОР

Р. S. На протяжении всей книги вам будут встречаться глаголы, специально выделяемые мною. Это своего рода попытка исследования некоторых глагольных форм русского словаря двадцатого века не с грамматической, а с нравственной стороны.

I. Надежная Надежда

Румяная девушка или «синий чулок»?

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), революционер, марксист, создатель Советского государства. Сын инспектора народных училищ, младший брат террориста Александра Ульянова, повешенного за попытку покушения на императора Александра III. Окончил экстерном юридический факультет Петербургского университета. С 1897 по 1900 г. – в сибирской ссылке. С 1900 по 1917 г. – в эмиграции. Основатель партии большевиков (1903). Автор многих политических книг и брошюр. Вождь Октябрьской революции (1917). Председатель Совета Народных Комиссаров с 1917 по 1924 г. Инициатор плана электрификации страны (ГОЭЛРО) и новой экономической политики (НЭП). С ноября 1922 г. болен, прикован к постели.

Летом 1918 года в Кремле поселилась женщина.

Несколько веков назад из слюдяных окон кремлевских теремов смотрела Наталья Нарышкина, законная царица, молодая жена пожилого царя Алексея Михайловича Романова. Среди воспоминаний о ней осталось немало сомнительных

легенд и сплетен.

Говорили, якобы сынок Натальи, Петр, рожден не от Алексея Михайловича, а от патриарха Никона, за несколько лет до появления Петра на свет сосланного царем в далекий монастырь, или даже от царского красавца-конюха, то ли грузина, то ли армянина.

Столетия не пролили света на эти сплетни, а сынок, от кого-то, безусловно, рожденный, благополучно вырос, возмужал и вошел в историю России под именем императора Петра Великого. Именно он, невзлюбив Москву, выстроил себе «столицу на болоте». В Санкт-Петербурге потекла дворцовая жизнь. Его несчастливая, нелюбимая первая жена Евдокия была последней царицей в кремлевском тереме.

Советская власть вернула столицу в Москву. Логично: город в центре Европейской России – надежно укрыт от возможных нашествий. Да к тому же новая власть не хотела обосновываться в покоях недавних властителей: безнравственно борцам за народное дело работать, спать, есть и любить там, где еще недавно роскошествовали ненавистные большевикам Романовы. Это противоречило бы большевистским принципам, которые и внесла, вместе с небольшим чемоданом, женщина, вошедшая в Московский Кремль в качестве его хозяйки.

Ей было сорок девять лет. Она была немолода и некрасива.

Большое, одутловатое лицо, пухлые, выдвинутые вперед

губы — признак страстной натуры, предполагать которую именно у нее никто не рисковал; не подкрашенные никотином белые неровные зубы, открытый крупный лоб — орган мысли; гладкие, на прямой пробор волосы, собранные в пучок на затылке, — их неряшливо выбивающиеся по обе стороны щек клочки — всегда помеха для встречного взгляда; крупный добродушный нос; не тронутые краской брови над широко расставленными глазами навывкате с дрожащими яблочками и веками, сильно наплывающими на глаза, что придавало лицу сонное, снулое выражение; тяжелые мешки под глазами, то ли от бессонницы, то ли от болезни, то ли от того и другого. Фигура не полная, но ровная, без волнующих изгибов; прямая осанка, выдающая воспитанницу хорошей гимназии; медлительная походка; прекрасной формы кисти рук с небрежными, неухоженными ногтями, свидетельствующими, что их владелица, может быть, пишет, может быть, рисует и не заботится о выпячивании того малого, чем могла быть привлекательной как женщина.

Надежда Константиновна Крупская — жена Ленина.

Подруга победителя революции.

Ей предстояло жить в Кремле не в роскоши царских покоев, а в скромной, специально оборудованной для нее с Лениным маленькой квартирке.

Крупская не возражала. Жене вождя пролетариата надлежала скромная жизнь. Ни к чему другому, по всему видно, она и не привыкла. Ничего другого она, видимо, не желала.

Лишь когда муж шумно обрадовался, увидев, что их новое жилище удобно примыкает стеной к его месту работы – Совету Народных Комиссаров, Надежда Крупская грустно покачала головой:

– Удобно. Ни сна, ни отдыха. Никаких перерывов. Сплошная работа.

Новая царица, как некоторые ее поначалу называли, была мало кому известна в России. Четырнадцать лет зрелой жизни до 1917 года, с небольшим перерывом, прожила за границей. Откуда было России знать ее?

А знала ли Крупская Россию, которой ей предстояло в какой-то мере править? Эмигрантская оторванность – факт. Начало двадцатого века – не конец его: нет телевизоров, радио, телефакса.

Думаю, все же Крупская была подготовлена к России более, чем Россия к Крупской. И уж, наверное, больше, чем бывали подготовлены к России немецкие принцессы, два века в роли правительниц и жен восседавшие на русском троне.

Не в укор принцессам и не в похвалу Крупской я говорю это, а справедливости ради, ибо Надежда Константиновна смолоду поставила себе благородную цель: счастье и светлое будущее народов России. Позднее, под влиянием глобально мыслящего Ленина, она расширила целевые границы до лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», но желание сделать Россию счастливой вполне уместилось в лозунг.

Была ли счастлива сама Крупская?

Как она понимала счастье?

Ответ на эти вопросы укладывается в историю ее жизни, при всей известности полной загадок и тайн.

В ореоле советского семидесятилетнего официоза имя Надежда Константиновна Крупская, длинное, как нескончаемый забор перед чем-то, куда не хочется заглянуть, навело елейную скуку на поколения.

Люди, знавшие ее, оставили монотонные, слащаво-благостные воспоминания, за которыми, уж если приходилось с ними по обязанности знакомиться, всегда хотелось видеть нечто противоположное.

– Крупская была образцом верной жены? Что ей оставалось делать, такой некрасивой? Небось, кроме Ленина, никто на нее никогда не взглянул.

– Говорят, он изменял ей с...

– Крупская после революции изо всех сил боролась с религией.

– Говорят, она собственноручно изымала из библиотек замечательные книжки – Чарскую, например, – считая их вредными для пролетарских детей.

– Что она в детях-то понимала, бездетная?!

– И вообще она была настоящий «синий чулок»!

* * *

Елизавета Васильевна Тистрова не глупее других. Она не

преувеличивала и не преуменьшала своих возможностей – смотрела правде в глаза. Сирота. Воспитанница Института благородных девиц для сирот, детей офицеров. О какой блестящей партии можно мечтать, оказавшись в Виленской губернии на роли гувернантки в богатой семье?

И все же хорошенькая, умная, образованная, уравновешенная, поэтичная, мастерица на все руки, умелица вести беседу, она привлекла внимание перспективного молодого человека. И сама влюбилась. Константин Игнатьевич Крупский хоть беден, но с образованием – Кадетский корпус окончил. И собой хорош.

Елизавета Васильевна, как любая нормальная женщина, всегда была готова к спокойной, добропорядочной семейной жизни. Хотела детей. Приготовилась жить за мужем как за каменной стеной.

Сначала все было отлично: Крупский получил должность начальника уезда в Гроеце. Это Польша. Четыре года прошли благополучно, если не считать обычных служебных хлопот, без которых не обходится ни одна человеческая жизнь, а также увлечений Константина Игнатьевича революционно-демократическими идеями.

Однако эти две «мелочи» внезапно слились и выросли в большую неприятность: в 1872 году Крупский, замеченный в нежелательных симпатиях, был уволен со службы с приговором «за превышение власти». Лишь через восемь лет мытарств и прошений несправедливый приговор был снят.

Семья Крупских, наскитавшись по разным городам, когда Константину Игнатьевичу разрешили жить в столицах, поселилась в Петербурге. Бедность. Черные лестницы. Грязные дворы.

Надежда, единственная дочь Елизаветы Васильевны и Константина Игнатьевича, родившаяся в 1869 году, росла в атмосфере родительской любви и нежности. Но за дверью их квартиры был мир бедных улиц и ребятишек в лохмотьях.

Иная на месте девочки Нади стыдилась бы своего положения, сторонилась бедных детей, старалась вырваться в «чистый мир».

Иная смиренно приняла бы положение бедного существа и довольствовалась тем, что преподносит ей жизнь.

Надя не сделала ни того ни другого. Она свободно играла с нищими ребятишками и столь же свободно общалась со сверстницами из хороших домов, куда ее старалась водить мать, имевшая связи с подругами, бывшими «благородными девицами», богатыми и знатными. Сообразительная девочка довольно рано уловила, что беды и переживания ее отца выходят за рамки семьи и каким-то образом связаны с бедами многих людей – в доме Крупских нередко звучало слово «революция».

Желая видеть в дочери мыслящую личность, соответствующую требованиям времени, а также дать ей хорошее образование, родители определили Надю в одну из лучших школ России – гимназию княгини Оболенской. Это было частное,

но не коммерческое предприятие, а идейное дело, созданное энтузиастами-народниками. У Оболенской учились разные девочки: аристократки, купеческие дочки, дочери революционных разночинцев. Многие из них мечтали посвятить себя идеям служения народу, которые расцветали в наставлениях учителей гимназии, носились в воздухе, преподнося девочкам примеры из жизни.

Во второй половине девятнадцатого века у женщины России, стремящейся к образованию, появилась возможность выйти из семейного круга и оглянуться. Как существо чуткое и отзывчивое, заметила она несправедливости и тяготы жизни. Захотела помочь. Но власть предрешающий мужской мир сам знал, что ему делать. Женщине ничего не оставалось, как обратить свои взоры в противоположную сторону, к ниспровергателям основ, людям, борющимся с властью. Здесь женщину ждала роль верной помощницы мужчины. Это ее устраивало. И она «закатала рукава».

Так появилась Вера Засулич (1849–1919) – она вела революционные кружки, стреляла в петербургского градоначальника Трепова, прошла тюрьмы и ссылки, в эмиграции помогала Ленину и, встретив враждебно Октябрьскую революцию, умерла в глубоком разочаровании от жизни. Была она одинока, неустроена в быту, неряшлива – настоящий «синий чулок».

Так появилась Вера Фигнер (1852–1942) – народница, потом эсерка, участница покушения на царя Александра II,

приговоренная к смертной казни, но «помилованная» двадцатилетним заключением в Шлиссельбургской крепости, отсидевшая там, потом прожившая долго в Москве, без особого участия наблюдая, как двадцатый век преобразил ее революционные идеи.

Так появилась Софья Перовская (1853–1881) – народница, правнучка гетмана Кирилла Разумовского, покушавшаяся на Александра II, первая женщина в России, казненная по политическому делу.

Эти первые ласточки трагической женской весны всеми своими победами и поражениями подготовили младшее поколение, новый тип революционерки, которая непременно должна была победить.

* * *

По характеру не склонная к политике, мать Нади была далека от революционных настроений, но все случившееся с ее мужем касалось и ее ребенка. Овдовев в 1883 году, она со смесью страха и надежды наблюдала, как четырнадцатилетняя дочь была взята под опеку революционеров: Николай Исаакович Утин, один из руководителей русской секции Первого интернационала, появился в доме Крупских вскоре после смерти Константина Игнатьевича, понял положение бедной семьи и помог Наде получить первый в жизни частный урок.

Гимназическая подруга Нади Крупской Ариадна Тыркова-Вильямс вспоминает:

«Мы постоянно рассуждали о несовершенствах человеческого общества. Наши рассуждения шли от жизни, от кипучих запросов великодушной юности... Во многих русских образованных семьях наиболее отзывчивая часть молодежи уже с раннего возраста заражалась микробом общественного беспокойства.

Из моих подруг глубже всего проник он в Надю Крупскую. Она раньше всех, бесповоротнее всех определила свои взгляды, наметила свой путь. Она была из тех, кто навсегда отдается раз овладевшей мысли или чувству».

Последняя фраза – вспомним ее – пригодится нам в пути по жизни Надежды Крупской.

Сама Ариадна тоже впоследствии оказалась в революционном движении, но по другую сторону баррикад.

Спустя много лет она писала: «Тихая была жизнь у Крупских, тусклая. В тесной, из трех комнат, квартирке (О, времена! На двоих три комнаты! – подумает сегодня простой человек, за счастье которого всю свою жизнь боролась Надежда Константиновна. – Л.В.) пахло луком, капустой, пирогами. В кухне стояла кухаркина кровать, покрытая красным кумачовым одеялом. В те времена даже бедная вдова чиновника была на господской линии и без прислуги не обходилась. Я не знала никого, кто не держал бы хотя бы одной прислуги».

Удивимся последней фразе. И да промелькнет у нас мысль: возможно, угнетала доброе сердце Нади необходимость пользоваться плодами чужого труда...

Если детство Нади пришлось на застойные семидесятые годы, то юность Надежды уже освещалась бурными событиями. Шло пробуждение революционных сил, но народническая теория «малых дел» еще жила и влияла на молодежь. Не обошла она своим влиянием и Надю.

Окончив в 1887 году восьмой педагогический класс, Надя Крупская получила диплом домашней наставницы и успешно вела педагогическую работу, готовя к экзаменам учениц гимназии княгини Оболенской.

«Домашняя наставница Н. К. Крупская в течение двух лет занималась по вечерам с десятью ученицами... Успехи ее учениц свидетельствуют о выдающихся педагогических способностях ее, основательности познаний и крайне добросовестном отношении к делу», — говорилось в удостоверении, выданном юной учительнице.

Быть домашней наставницей всяких лентяек? Нет!

По понятиям матери, Елизаветы Васильевны, выбора пока не было: замуж Надежду никто не звал. Влюбленных в нее юношей и зрелых мужчин не наблюдалось. Совершенно естественные материнские мечты Елизаветы Васильевны о хорошей партии для Нади не спешили сбываться.

Ариадна Тыркова-Вильямс вспоминает: «У меня уже шла девичья жизнь. За мной ухаживали. Мне писали стихи. Идя

со мной по улице, Надя иногда слышала восторженные замечания обо мне незнакомой молодежи. Меня они не удивляли и не обижали. Мое дело было пройти мимо с таким независимым, непроницаемым видом, точно я ничего не слышу... Надю это забавляло. Она была гораздо выше меня ростом. Наклонив голову немного набок, она сверху поглядывала на меня, и ее толстые губы вздрагивали от улыбки, точно ей доставляло большое удовольствие, что прохожий юнкер, заглянув в мои глаза, остановился и воскликнул: "Вот так глаза... Чернее ночи, яснее дня..."

У Нади этих соблазнов не было. В ее девичьей жизни не было любовной игры, не было перекрестных намеков, взглядов, улыбок, а уж тем более не было поцелуйного искушения. Надя не каталась на коньках, не танцевала, не ездила на лодке, разговаривала только со школьными подругами да с пожилыми знакомыми матери. Я не встречала у Крупских гостей».

Большое удовольствие, когда нравишься не ты, а другая?

Удивительная реакция! Миллионы подружек в подобной ситуации «дохнут от зависти», втайне расстраиваются, переживают. А Надежде приятен успех подруги.

Что это? Доброта? Конечно. Но не только.

Полное признание своего скромного положения среди красивых подруг?

Да, но не только.

— Я под стать русской природе, нет во мне ярких красок, —

утешала Надя свою мать, озабоченную проблемой: девица на выданье, а женихов не видно.

Есть в нетипичном поведении некрасивой Нади уверенное ощущение своего пути. Предчувствие, если хотите. Она не мечтает о мужчинах и замужестве, потому что не интересуется «такой чепухой». Она не хочет типично-скучной женской судьбы. Подруги выходят замуж, она не завидует, а жалеет их: закабаляют себя браком. Бросают под ноги мужчинам свои таланты и возможности самым стать полноценными личностями.

Надя пойдет другим путем.

Она посвятит себя обществу, а не одному человеку.

Ее влечет не быт, а жизнь. Не дом, а мир.

Но как найти свой путь?

Книги? Они не отвечают на этот вопрос, они задают его своим читателям.

Друзья отца, революционеры-народники? Надя начинает посещать их собрания.

Нет! Это усталые люди, напуганные собственным терроризмом и его результатами. Но что-то есть в их теории «малых дел».

Однажды Наде показалось – путь забрезжил. Она прочитала в газете призыв любимого писателя Льва Толстого к грамотным девушкам: начать исправлять и улучшать известные книги, чтобы простой народ мог их читать и образовываться. Обещал выслать желающим книги для работы.

«Хорошее “малое дело”», – подумала она и написала письмо:

«Многоуважаемый Лев Николаевич!

Последнее время с каждым днем живее и живее чувствую, сколько труда, сил, здоровья стоило многим людям то, что я до сих пор пользовалась чужими трудами. Я пользовалась ими и часть времени употребляла на приобретение знаний, думала, что ими я принесу потом какую-нибудь пользу, а теперь я вижу, что те знания, которые у меня есть, никому как-то не нужны, что я не умею применить их к жизни, даже хоть немножко загладить ими то зло, которое я принесла своим ничегонеделанием, – и того я не умею, не знаю, за что для этого надо взяться...

Я знаю, что дело исправления книг, которые будут читаться народом, дело серьезное, что на это надо много знания и умения, а мне 18 лет, я так мало еще знаю...

Но я обращаюсь к Вам с этою просьбой, потому что, думается, может быть, любовью к делу мне удастся как-нибудь помочь своей неумелости и незнанию.

Поэтому, если возможно, Лев Николаевич, вышлите и мне одну, две таких книги, я сделаю с ними все, что смогу...»

Дочь Толстого Татьяна Львовна прислала Крупской «Графа Монте-Кристо» Александра Дюма.
Девушка села «исправлять» книгу.

Нелепое занятие. Надя поняла это в процессе работы, но бросить начатое не в ее характере. Она должна довести до конца. Тем более толстовское дело.

Ожидая ответа от Толстого, Надя несколько раз бывала в кружках толстовцев. Они отвратили ее – деятельная натура искала реального действия.

Она стала внимательно присматриваться к новым революционерам, интуитивно ища Того, кто укажет ей путь, по которому пойдет до конца. Бесповоротно. Иначе идти не позволял характер.

Ее подруга Ариадна подмечала: «Я десять раз переверну фразу из учебника, пока она сообразит, в чем дело. Но когда сообразит, когда придет к определенному пониманию, примет его неизменно, крепко, как приняла позже учение Карла Маркса и Ульянова-Ленина».

Весной 1890 года Надя прочитала «Капитал» Маркса: «Я точно живую воду пила. Не в терроре одиночек, не в толстовском самоусовершенствовании надо искать путь. Могучее рабочее движение – вот выход».

Так угасла милая, наивная, ищущая пути девушка.

Так родилась революционерка, нашедшая Того, кто поведет ее. Но Тот пока что был всего лишь книгой. Теорией. Она нуждалась в живом человеке, которому смогла бы посвятить свою революционную страсть.

Безошибочно!

Так появилась Надежда Крупская.

Кто сказал «синий чулок»? Вообще откуда взялось это словосочетание? Им насмешливо называют женщин, с головой ушедших в книжные, ученые интересы, забывших свою женственность, неряшливых, неопрятных.

Родилось выражение в Англии во второй половине XVIII века и при рождении своем пренебрежительного значения не имело. Оно возникло в кружке, где собирались и мужчины, и женщины для бесед о литературе и науке. Душою общества был ученый Бенджамин Стиллингфлит, который, пренебрегая эстетикой и модой, при темном платье носил синие чулки, а не белые. Когда он почему-либо не приходил на занятия, все восклицали: «Нам плохо без “синего чулка”! Где он? Без него беседа не клеится!»

Вот ведь как: впервые прозвище получила не женщина – мужчина! Лишь когда женщина, а случилось это во Франции в конце XVIII века, стала интересоваться науками и литературой более, чем домашними делами, и появилось много равнодушных к своему внешнему облику женщин, словосочетание «синий чулок» прилипло к ней как характеристика, данная мужчиной, чье естество протестовало против женской маскулинизации.

Мир – сообщающиеся сосуды: Россия XVIII–XIX веков во многом брала фасон с Франции – вместе с роскошными

модами попадали в Россию и «синие чулки».

«Что хорошего быть “синим чулком”? Не женщина и не мужчина, а так, середка на половинку, ни то ни се» – это слова Чехова, а уж Чехов известный был «синим чулком» ненавистник.

«Синий чулок» – крайность!

«Синий чулок» – неестественность!

«Синий чулок» – говоря современным языком, явное экологическое нарушение. Общество, где «синие чулки» восторжествуют, обречено на вымирание.

Но то-то и оно, что, при всей своей официальной некрасивости, юная Крупская мало походила на «синий чулок».

«У Нади была очень белая тонкая кожа, а румянец, разлившийся от щек на уши, на подбородок, на лоб, был нежно-розовый. Это так ей шло, что моя Надя, которую я часто жалела, что она некрасивая, казалась мне просто хорошенькой, – вспоминает Ариадна Тыркова-Вильямс, рассказывая, как преобразила подружку революционная работа. – Надя по-прежнему жила с матерью на третьем дворе в большом доме Дурдиных, на Знаменской. Жили тихо, уютно, с лампадками, как будто по-старосветскому...»

– Вот те на! – воскликнет внимательный читатель. – Лампадки, это что же, под иконами?

Да, под ними. Елизавета Васильевна была набожна, а Надя еще не была атеисткой.

«Надя обдавала меня, – продолжает Ариадна, вспоминая

события 1890 года, – ласковым сиянием, долго держала мои руки в своих руках, улыбалась с конфузливой нежностью. Но за всем этим я чувствовала другую Надю. Она уже прокладывала путь к тому, что вскоре станет смыслом, целью и, как это ни странно звучит для моей скромной Нади, роскошью ее жизни.

Начиналось это с вечерних курсов для рабочих за заставой. Надя глухим монотонным голосом рассказывала мне, как важно пробудить в рабочих классовое сознание. Добрые голубые глаза светились... Я радовалась за нее и понимала, какое это счастье – найти поглощающую цель».

При встречах с Ариадной Надя, краснея, как бы вскользь, не называя имени, говорила подруге «об одном товарище», много значащем в ее жизни. И Ариадна, разумеется, спустя много лет даже не может предположить, что он – не Ленин.

Это был другой.

В 1890 году – до встречи с Лениным остается четыре года – Надежда знакомится в революционном кружке со студентом-технологом Классоном. Начинает посещать его марксистский кружок.

Им интересно вдвоем читать, спорить, изучать «Капитал». Единомыслие часто ведет к объятиям. Но мы не будем считать первые поцелуи Крупской. Они настолько же возможны, учитывая молодость и нетерпение плоти, насколько невозможны, учитывая нравственное воспитание девушки и официально известную ее склонность к возвышенным, а не

к низменным чувствам.

Осенью 1890 года Крупская бросает престижные женские Бестужевские курсы, где поначалу хотела искать свой путь в образовании.

Этот поступок кажется нелогичным: такая способная девушка может совместить и курсы, и кружок. Однако то общество и те идеи, которые предлагает ей Классон, требуют посвятить всю себя. Тут Крупская и теряет голову, смело идя навстречу новому, неизведанному, опасному. Или, напротив, – обретает голову на плечах?

Посещает кружок Классона. Просиживает в Публичной библиотеке, пользуясь читательским билетом Классона.

Если последнее – интимная подробность, попробуйте, читатель, воспользоваться ею для собственных выводов.

«Капитал» переведен на русский, а вот «Анти-Дюринг» Энгельса – нет. Крупской необходимо прочесть и эту книгу. Она начинает изучать немецкий. Очень быстро справляется с чужим языком. Классон и его окружение поражены: вот это способности!

«Марксизм, – напишет она много позднее, – дал мне величайшее счастье, какого только может желать человек: знание – куда надо идти, спокойную уверенность в конечном исходе дела, с которым связала жизнь».

Однако «конечный исход дела» представляется далекой, как звезда, мечтой. Исполнением ее займутся будущие поколения. А чем заниматься сегодня, сейчас, сию минуту?

В вечерней школе для рабочих Крупская находит себе активное дело: просвещать рабочий класс. Она раскрывается как талантливый педагог, актерствует, сочетает просвещение с пропагандой.

«Рассказывала что-то про Индию и жизнь индусов. Затем неожиданно перешла к нашей жизни», – писал один из ее учеников, рабочий Жуков.

Здесь, в школе, вспомнила она свою историю со Львом Толстым. Принесла одному рабочему почитать «Войну и мир». Он вернул на следующий день со словами: «Чепуха какая-то. Длинно. Это на диване развальясь читать. Нам это не подходит».

Что сказал бы Толстой, если бы ему предложили исправить и сократить эту книгу для простого народа?

Умная, открытая, увлекающаяся и увлекающая идеями, розовощекая, с длинной русой косой, молодая учительница нравится грубоватому рабочему люду. Ее наперебой провожают после уроков по ночным улицам Петербурга. Надежда и сама не замечает, как получается, что провожатым чаще всего бывает Иван Васильевич Бабушкин.

Высокий, статный, уса́тый. От него исходит жгучий жар молодости, здоровья. У Надежды начинает кружиться голова, когда рабочий Бабушкин берет ее под руку в темных местах улиц, чтобы не упала. Она чувствует, даже слышит, как колотится его сердце, но Крупская намерена не придавать значения мимолетным ощущениям. Это всего лишь слепая

страсть. Настоящая марксистка должна уметь справляться с нею.

Монахи и монашки умерщвляют плоть в постах, молитвах, служении Богу.

Надежда Крупская делала это с помощью книг Маркса и Энгельса, с головой уходя в преподавательскую работу, в занятия социал-демократических кружков.

«Синий чулок» всё определеннее начинал проступать в ней. Сильно способствовал этому нарастающий атеизм Крупской. Он пугал ее мать, Елизавету Васильевну. Она говорила Ариадне: «Вы, как и моя Надя, в церковь не ходите?.. Ходили бы в церковь почаще да молились бы о ниспослании благодати, а то все мудрствуете».

Надежда не спорила с матерью. Они мирно сосуществовали. Мать взяла на себя все хлопоты по хозяйству, видя, что ее революционерка бесталанна как хозяйка: за что ни возьмется – все падает из рук.

Наступил февраль 1894 года. В этом месяце Надежде Крупской исполнилось двадцать пять лет. «Синий чулок» и старая дева закономерно, логично сливались воедино. Елизавета Васильевна теряла всякую надежду на замужество своей Надежды. А тут еще время от времени стали арестовывать друзей и подруг ее дочери. Как бы саму дочь не взяли.

Конечно, Елизавета Васильевна согласна, в их рассуждениях много справедливого, но кто же им позволит осуществлять свои идеи? Смешно! Как они не понимают, на что за-

махиваются? Разве такое сломишь?

Елизавета Васильевна хоть и боялась за Надю, но характер ее хорошо знала – запрещать ничего нельзя. Бесполезно.

«Может, в тех революционных кружках, – рассуждала про себя Елизавета Васильевна, – и встретит Надя свою судьбу. Вон там сколько мужчин. Образованных. Из хороших семей. Пусть ходит. Встретит, поженятся, дети пойдут – не до революции будет. Надя любит детей. Она одним ребенком не обойдется...

Неужели нет? Неужели в этой дурацкой революционной борьбе одиноко пройдет вся Надина жизнь?!»

Кто знает о ночных материнских мыслях? Можно только догадываться.

Возраст любви

Петербургские февральские морозы бывают окрашены малиновым солнцем, поворачивающимся на весну.

Надвигалась Масленица. Все эти прелести природы и жизни мало интересовали Надежду Крупскую. Она работала в вечерней школе и штудировала марксизм. Среди книг и брошюр – Надежда их буквально проглатывала – попалась тетрадка. Готова была отложить в сторону, заранее зная: это марксист Герман Красин обсуждает вопрос о рынке, ставя его в тесную связь с марксизмом.

(Сегодня в России, спустя сто лет, всяк живой тоже обсуждает вопрос о рынке, пытаясь ставить его вне связи с марксизмом. Когда же мы, господа, найдем решение? – Л.В.)

Машинально открыла тетрадку и заметила, что все поля испещрены пометками. Почерк четкий. Вчиталась.

Крупскую поразили необычность, смелость, категорически уверенный тон и язвительность читателя, писавшего на полях. «Кто это?» – подумала она.

Среди знакомых марксистов не было ни одного, способного так глобально мыслить. Классон? Непохоже.

В тот же день, идя на занятия в рабочую школу, Крупская встретила Классона на улице. Случайно. Он спросил, придут ли они сегодня с ее подругой, Зиной Невзоровой, к нему «на блины». Под предлогом Масленицы кружок Классона устра-

ивал марксистский диспут. Сказала, что не знает, спросит подругу Зину Невзорову, придет ли она. Идти не хотелось. Она уже изжила этот кружок, а зря тратить время – не в ее характере.

Классон уговаривал: будет интересно, «придет один приезжий волжанин, очень странный тип. Разделал под орех Германа Красина с его взглядами».

«Не тот ли?» – подумала она, мгновенно вспомнив пометки на полях тетрадки Красина. И они с Зинаидой пришли «на блины».

«Собралось много народу, – вспоминала Крупская, – речь шла о революционных путях. Как идти? Кто-то сказал, что очень важна работа в комитете грамотности. И тут раздался сухой, злой смех “приезжего волжанина”».

Никогда потом Крупская не слыхала у него такого смеха.

«Кто хочет спасти отечество в комитете грамотности, что ж, мы не мешаем», – сказал он и стал крушить проповеди «малых дел».

«Я сидела в соседней комнате с Коробко и слушала разговор через открытую дверь, вспоминала Надежда через много лет. – Подошел Классон и, взволнованный, пощипывая бородку, сказал:

– Ведь это черт знает что он говорит.

– Что же, – ответил Коробко, – он прав: какие мы революционеры».

Он был как гром среди ясного неба.

Он был как молния в ночи.

Он был как удар колокола.

Он был...

Увидев и услышав его, Крупская мгновенно поняла, что «революция близка и возможна».

В этот же вечер она навела справки. Владимир Ульянов. Двадцать четыре года? Выглядит старше. Дворянин? Отец умер – был инспектор училищ в Симбирске. Мать, урожденная Бланк, дочь полицейского врача. Старший брат Александр Ульянов. Тот самый. Из группы «Народная воля». Казненный в 1887 году за попытку покушения на царя, Александра III.

Она рассказала о нем матери, хотя обычно не делилась с ней новостями в революционном кружке.

Засыпая, вспомнила: несколько раз они встретились взглядами. Ну и что? Комната маленькая, народу много, все взглядами встречаются. Не познакомились – вот плохо.

Прошла зима.

Прошла весна.

Прошло лето.

Пришла осень. Разбрызгивая лужи, бежала Крупская к Классону, где Владимир Ульянов собирался читать свою работу «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?».

Успех книги был полный.

Мир тесен вообще, а революционный мир – в частности.

Начались осенние занятия в воскресной школе. После первых уроков Крупская увидела Ивана Бабушкина, поджидавшего ее. Весной она несколько раз не разрешила ему провожать себя, придумывая какие-то предлоги. Теперь разрешила – он более не волновал ее.

По дороге Бабушкин рассказал, что стал ходить в новый кружок:

– Ох и умен наш лектор! Объясняет понятно. И на спор вызывает. Глядишь, с ним я не только все буду знать, но и говорить научусь.

– Кто это? – спросила Крупская.

Ответ прозвучал одновременно – в устах Бабушкина и в ее душе:

– Владимир Ильич Ульянов.

Судьба играет человеком, но человек творит судьбу, в особенности если сама судьба помогает творить себя. Через несколько дней после разговора с Бабушкиным Крупская пошла в Публичную библиотеку – готовить лекцию для рабочих.

Ульянов сидел в читальном зале!

Как-то так вышло – то ли судьба распорядилась, то ли Надежда подгадала – они столкнулись вечером на выходе из библиотеки. И пошли, пошли по улицам до ее дома. Пока шли, пока говорили, в ее голове, словно на черном бархате, сияли огненные слова: революция близка и возможна!

Это решило судьбу Надежды. Единственной любовью

Крупской всегда была и оставалась революция. Ради неё Крупская жила и работала. О ней мечтала. Любви не хватало сконцентрированного предмета. И он появился. Владимир Ульянов-Ленин стал ее избранником не в мужья, а в вожди. Он должен был воплотить мечту Крупской. Она поверила в него неоглядно. И какую бы роль он ни уготовил ей в своей жизни, посвященной революции, Крупская пошла бы за ним на край света. И дальше. Не ропща. Ничего не требуя. Во имя дела.

Исследователи жизни Ленина и Крупской часто спорили, что значил ее «странный» ответ ему, когда он, спустя несколько лет после первой встречи, написал ей в тюрьму, что просит стать его женой.

Она ответила: «Что ж, женой так женой».

Не знаю, о чем тут спорить. Крупская выразилась яснее ясного: что бы ни предложил – на все готова.

Конечно, хорошо женой. Жена лучше, чем товарищ по работе. Много ближе.

Она сумеет сделать все, чтобы он возглавил революцию. С его-то талантом! С ее-то усердием! И мама, Елизавета Васильевна, рядом. Мама наконец успокоится – Надя не останется старой девой.

Итак, любовь к мужчине и революция слились для Крупской воедино. Ее прозорливость и мудрость состояли в том, что выбор оказался верен. Как много женщин, посвятивших себя революции, выбирали не тех мужчин!

Случайный успех?

Рука судьбы?

Точность расчета?

Крупская была отличница, а отличники редко ошибаются.

* * *

Избранник поначалу и подозревать не мог, что его судьба в какой-то мере уже решена. Им незаметно, мягко, решительно распорядились.

Всего полгода, как приехал он в Петербург. За спиною скромного двадцатичетырехлетнего провинциала было, однако, немало переживаний: внезапная смерть отца, казнь старшего брата Александра, смерть от тяжелой болезни любимой сестры Ольги. Он прошел слезку за собой, арест, легкую ссылку в имение матери Кокушкино. Приезд в Петербург означал начало того великого завоевания, которому он собирался посвятить жизнь. Многое в понимании своего пути еще не установилось, не утвердилось, не обозначилось, но главное было ясно: взорвать существующий порядок жизни, подняв народ и опираясь на идеи Маркса. Собственную силу он ощущал и верил в нее.

Нужны были единомышленники, союзники, работники, бойцы его невидимого фронта.

Елизавета Васильевна нечасто встречала в своем доме молодых людей. Не переставая мечтать о женихе для Нади, она

была рада угостить пирогами молодого человека, которого Надя однажды вечером привела в дом. Мог бы, конечно, и повыше ростом быть, и покрасивее, но это уж слишком: Надя сама не красавица, а Владимир Ильич, по всему видно, умница. Мужчине, как известно, красота не нужна, был бы ум.

На умного провинциала, соскучившегося по семье, пахнуло от дома Крупских теплом и уютом. Сочетание Надиного таланта слушать, понимать и восхищаться услышанным с талантом ее матери готовить и угощать очень понравилось ему.

Когда она призналась ему, что давно поняла: «Не в терроре одиночек, не в толстовском самоусовершенствовании нужно искать путь: революционное движение масс – вот выход», он внимательно посмотрел ей в глаза и быстро отвел взгляд.

Эта девушка была слишком цельна, серьезна, умна, надежна, чтобы встреча с ней оказалась случайной. И решительно готова идти за ним навсегда.

Торопить события он не хотел. И кажется, вообще не собирался соединять свою жизнь с кем бы то ни было.

Надежда стала товарищем по работе. В какой-то степени его ученицей, хотя и была на год старше его.

Скоро она стала незаменимой. Вечер каждого воскресенья он проводил у Крупских, заходя после занятий своего кружка на чашку чая и пироги.

Вдруг исчез. Крупская ощутила признаки душевного волнения, однако виду не подала: они всего лишь товарищи, он может вести себя как ему вздумается. Может, в конце концов, у него быть своя, личная, интимная жизнь!

Но настроение испортилось. Мать всё заметила, тоже расстроилась, а спрашивать Надю поостереглась, зная ее скрытный, независимый характер. Нужно будет – сама скажет.

Подумала Елизавета Васильевна, что они, быть может, поссорились, и вообще их отношения какие-то вялые – сидят, говорят, обсуждают. Не стремятся уединиться. Это разве любовь?!

Через день-два приятель Владимира Ульянова Глеб Кржижановский пришел в вечернюю школу, где преподавала Крупская. Отвел в сторону Надежду и ее подругу Зинаиду Невзорову, свою будущую жену, сказал, что Старик – это была подпольная кличка Ульянова – заболел, лежит один, нужно организовать уход.

Можно представить, как забилося сердце Крупской: и радостно – не ушел от нее к другой, и взволнованно – болен, нужно помочь.

Девушки пошли. Обрадовался. Зинаида Невзорова ускользнула с провизией на кухню. Надежда Крупская присела у постели и начала выкладывать новости, а потом привычно, с восторженной молчаливостью слушала: он хоть и тяжело был болен – дара речи не терял.

Вспоминая этот, описанный во всех книгах о Крупской и

Ленине факт их встречи, я всегда почему-то думаю о евангельской ситуации: служительница духа сильнее служительницы плоти.

«...пришел Он в одно селение; здесь женищина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у нее была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне.

Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лк 3, 38–42).

Это не бестактное сравнение, а лишь воспоминание. Зинаида и Надежда, каждая по-своему, нравились Владимиру. Зинаида была хороша собой. Много лет спустя, в 1949 году, похоронивший Зинаиду ее муж, Глеб Максимилианович Кржижановский, говорил пришедшей к нему молодой аспирантке-крупсковедке Дине Корнеевне Михалутиной: «Владимир Ильич мог найти красивее женщину, вот и моя Зина была красивая, но умнее, чем Надежда Константиновна, преданнее делу, чем она, у нас не было».

Больной выздоравливал, и само собой вышло, что Крупская продолжала ходить к нему уже одна. Они вместе читали

газеты, переводили статьи с немецкого.

Однажды пришла. Раздеваясь в прихожей, услышала в его комнате женский голос. Не нужно догадываться, какая мысль мелькнула. Но в ту же секунду открывшая ей дверь хозяйка квартиры сказала: «Матушка к нему приехали».

Иное волнение охватило Надежду – что подумает о ней его мать? Девушка одна приходит к молодому мужчине!

В этот момент революционная этика безразличия к условиям вряд ли могла прийти в голову.

Мария Александровна Ульянова – запечатленный в памяти нескольких поколений образ интеллигентной женщины, верной жены инспектора народных училищ в Симбирске, сильной и смелой матери, вырастившей шестерых и пережившей смерть мужа и двоих взрослых детей: Александра и Ольги. Все оставшиеся дети стали революционерами. Она свою зрелость и старость посвятила помощи их делу. Прекрасная музыкантша, блистательно образованная, умная и благородная женщина мужественно перенесла невзгоды жизни, думая только о детях, и умерла за несколько месяцев до Октябрьской революции...

* * *

В наши дни всех и всяческих переоценок-пересмотров, когда Ленин и революция проходят испытание Голгофой и, согласно Закону Возмездия, получают сполна за все, что бы-

ло и чего не было, неожиданные легенды вдруг оживают, выходят из-за поворота жизни и начинают витать над людьми.

Весной 1991 года я оказалась в большой компании интеллектуалов, решающих, как лучше всего «измученному ленинским экспериментом обществу вернуться к капитализму». Молодой и симпатичный врач в продолжение разговора о том, что Ленин революцией мстил Романовым за казненного брата, с уверенностью очевидца сказал:

– Его мать была фрейлиной императрицы, жены Александра II или, может, Александра III, не скажу точно. Очень хорошенькая, видно по фотографиям.

– Этого не могло быть, – возразили ему, – как теперь известно, доктор Бланк был еврей. Дочь еврея – фрейлина?

– Вы не в курсе дела, – отмахнулся врач, – в царской России человек, принявший крещение, автоматически становился русским. Национальность определяло не происхождение, а вероисповедание. Дочь еврея, канцлера Шафирова, при Петре была фрейлиной. Кем-то при дворе была и Мария Бланк, завела роман с Великим князем, забеременела, ее отправили к родителям и срочно выдали замуж за скромного учителя Илью Ульянова, пообещав ему рост по службе, что он регулярно и получал в течение всей своей жизни. Она благополучно родила сына. Заметьте, старший сын Ульяновых назван Александром. Царское имя. Илья Ульянов оказался очень хорошим человеком и ко всем детям относился одинаково.

Присмотритесь к портретам. Александр Ульянов не похож ни на кого в семье. Он узнал тайну матери и поклялся отомстить за ее честь. Будучи студентом в Петербурге, примкнул к террористам и взялся бросить бомбу в царя. И вот он сидит в тюрьме, его должны казнить, мать приезжает в Петербург и на следующий же день получает возможность увидеться с ним. На следующий день! Невероятно!

При свидании она просит Александра – это написано во всех книгах о Ленине, – чтобы он покался, и его простят.

Александр Ульянов отказался каяться и был казнен. Подумайте, разве могла обыкновенная мать преступника сразу же добиться свидания? Интересно знать, кто сказал Марии Александровне, чтобы она предложила сыну покаяться? Кто, кроме того, на кого он покушался, мог его простить?

Она, приехав в Петербург, сразу же получила свидание с царем. Сразу! Какой тогда царь был у власти? Ах да, Александр III. Может, он и был когда-то ее любовником и отцом Александра Ульянова? Царь согласился простить своего незаконного сына, если он покается. Ленин мстил Романовым не только за брата, но и за мать.

Можно было возразить врачу, что первым ребенком в семье Ульяновых был не Александр, а Анна, которая не участвовала в покушении, но, разумеется, знала о нем и не случайно была взята под стражу вместе с братом.

Можно было возразить, что Мария Александровна, дочь Александра Бланка, по всем данным, не слишком высоко-

родная девица, вряд ли могла быть «кем-то» при царском дворе.

Я промолчала, тихо поднялась и ушла, пораженная не маловразумительной легендой, а тем, что она была давно известна мне из источников более весомых, чем рассказы современных интеллектуалов. Откуда опять всплыла?

Нет дыма без огня...

В повествовании сейчас появится новое историческое лицо. Оно сможет пролить свет на темные углы в биографиях некоторых рассматриваемых здесь лиц. Оно время от времени будет возникать в книге, и я буду делать отступления под названием:

«Из “записной книжки” Ивана Федоровича Попова».

Ему было двадцать два года, когда он, бежав из ссылки, приехал в Брюссель и поступил там в университет. Молодой социал-демократ Иван Попов появился в Париже ранней весной 1909 года, пришел на тихую улицу Мари-Роз к Ленину и Крупской, жившим там в эмиграции. У него к ним была рекомендация от революционерки Инессы Арманд – с нею Попов подружился в ссылке в Мезени.

Знание трех европейских языков, молодость и энергия дали возможность Попову помогать Ленину в качестве представителя ЦК РСДРП во Втором интернационале. Вместе с Инессой Арманд Попов представлял партию на съездах и конференциях. Сопровождал Ленина, когда тот бывал в

Брюсселе. В 1914 году Попов был взят под арест немецкими оккупационными властями в Брюсселе как «социально опасный элемент». По ходатайству Крупской и Ленина его перевели с помощью швейцарского Красного Креста на положение военнопленного.

В революции 1917 года Попов не участвовал. Вернувшись в Россию, работал в театральных организациях. Написал пьесу «Семья» об Ульяновых, принесшую ему широкую известность и материальное благополучие в конце сороковых – начале пятидесятих годов.

В этой пьесе главным был не Ленин, а его мать, ее переживания в связи с гибелью старшего сына Александра, ее хождение по мукам и по тюрьмам, ее выдержка и мужество, когда весь город Симбирск отвернулся от семьи террориста.

Моя встреча с Иваном Федоровичем состоялась в конце сороковых годов, в его доме, куда меня, девочку, пишущую стихи, привел отец, друживший с Поповым со времен войны. Иван Федорович в 1943 году приезжал на уральский завод писать очерк о людях, создававших танк Т-34. Очерк был напечатан. Среди его героев – мой отец, танковый конструктор. Они подружились. Наша семья переехала с Урала в Москву после войны. Подружились семьи.

Летом 1953 года, окончив школу, я готовилась поступать в университет. Попов предложил моим родителям: «Пусть она поживет с нами на даче. Дети в разъездах. Нам с женой скучно. Пусть зубрит среди природы».

В то время он, по существовавшему тогда закону, за каждый спектакль «Семья» получал большие потиражные деньги и мог позволить себе купить прекрасную, по тогдашним понятиям, дачу, держать автомобиль и оплачивать шофера.

Каждое утро на даче Попова я спускалась к диетическому завтраку. Вера Алексеевна, его жена, строго следила за диетой, весом и холестерином любящего поесть мужа. Я быстро справлялась с завтраком и уходила наверх зубрить, а вернее, читать полузапретного Достоевского, которого Поповы свезли на дачу – от Москвы подальше. Два раза в неделю Вера Алексеевна ездила в Москву за продуктами. В такие дни мы с Поповым, сидя в разных комнатах, жадно следили, пока «Победа» с Верой Алексеевной не исчезнет за дальним поворотом.

И раздавался клич Ивана Федоровича:

– Девица, вниз!

У калитки уже стояла деревенская женщина с курицей, куском телятины или свинины. Домработница Поповых, весело ворча, начинала готовить обед, а мы с Иваном Федоровичем в ожидании его, глотая слюнки от кухонных запахов, вели нескончаемый разговор. Вернее, говорил он, а я слушала.

– Не записывай! – предупреждал он меня всякий раз, когда часам к пяти мы заканчивали долгий и вкусный обед. – Ни в коем случае не записывай!

Чего нельзя – того хочется. Однажды я села записать ка-

кой-то его поразительно интересный рассказ, но бросила – предательство. И стала просто повторять услышанное по несколько раз. Ручаюсь ли за точность спустя столько лет? Да, за точность мыслей, но не слов.

Я задумывалась над вопросом: зачем Попов буквально «вываливал» мне все, что знал, слышал, предполагал и понимал о жизни Ленина?

Узнавала я такое, от чего тогда голова пошла бы кругом не только у творцов ленинианы и крупскинианы. Попов доверял мне то, чего не доверил бы записной книжке в 1953 году, спустя несколько месяцев после смерти Сталина, в разгар борьбы за власть в правительстве, в атмосфере бериевской агонии. Могло ли быть, что Попов, годами опасавшийся записать подробности, не мог уйти с земли, не передав знаний кому-то?

Почему он выбрал меня? Хорошо было бы спросить у него, да не спросишь. Скорее всего – никого другого рядом не было. Беседа со мной выглядела так: сначала пустяковый разговор – как вкусно, если ешь мороженое, налить в него шампанского – и внезапно, без перехода, он бросал сенсационную фразу, от которой я должна была если не упасть со стула, то громко выразить удивление. Довольный моей реакцией, он начинал рассказывать.

В один из обедов Иван Федорович сказал:

– Анна у Марии Александровны прижитая. Она – дочь одного из Великих князей, нагулянная Марией Александров-

ной, когда та была при дворе.

– Не может быть!

Старый лев в белоснежной, распахнутой у ворота рубашке, развалившись в высоком дачном плетеном кресле, широко рассмеялся и начал: в Брюсселе Инесса Федоровна Арманд принесла ему этот слух, якобы полученный ею от кого-то из семьи Арманд, – Мария Александровна в юности была взята ко двору, но пробыла там недолго, скомпрометировав себя романом с кем-то из Великих князей, за что ее отправили к отцу в Кокушкино и быстро выдали за Ульянова, обеспечив ему регулярное повышение по службе.

Инесса Федоровна не раз говорила с Поповым на эту тему, даже развивала ее. Неизменно приходила к выводу: история маловероятная, похожа на сплетню, хотя нет дыма без огня – у Марии Александровны есть какая-то тайна молодости.

Тут же Арманд плавно переходила к теме свободной любви, она ее всегда волновала...

* * *

Сижу в 1991 году, обложившись книгами и документами, опубликованными и архивными, журналами, нашими и зарубежными, хочу поймать хвост тайны девицы – а ловлю какие-то другие «хвосты». Все было не так давно: первого марта 1887 года Россию всколыхнула весть о неудавшемся покушении членов партии «Народная воля» на императора

Александра III. Среди террористов оказался сын Ульяновых Александр, студент-отличник Петербургского университета. По подозрению была взята и его родная сестра Анна Ульянова. Мария Александровна, мать Александра и Анны, бросается в Петербург. 28 марта она подает прошение на имя царя: «Горе и отчаяние матери дают мне смелость прибегнуть к Вашему Величеству, как единственной защите и помощи. Милости, Государь, прошу! Пощады и милости для детей моих. Старший сын Александр, окончивший гимназию с золотой медалью, получил золотую медаль и в университете. Дочь моя Анна успешно училась на Петербургских Высших Женских Курсах. И вот, когда оставалось всего лишь месяца два до окончания ими полного курса учения, у меня вдруг не стало старшего сына и дочери. Оба они заключены по обвинению в прикосновении к злодейскому делу первого марта. Слов нет, чтобы описать весь ужас моего положения. Я видела дочь, говорила с нею. Я слишком хорошо знаю детей своих и из личных свиданий с дочерью убедилась в полной ее невинности...

О Государь! Умоляю, пощадите детей моих. Возвратите мне детей моих. Если у сына моего случайно отуманились рассудок и чувство, если в его душу закрались преступные замыслы, Государь, я исправлю его: я вновь воскрешу в душе его те лучшие человеческие чувства и побуждения, которыми он так недавно еще жил. Милости, Государь, прошу, милости».

Что можно извлечь из этого вопиющего материнского письма? Какое и чему подтверждение?

Есть ли хоть одно слово, выдающее желание напомнить о некоем прошлом, связывающем госпожу Ульянову и царя?

Ни одного.

Есть ли хоть намек на какое бы то ни было исключительное особое право?

Решительно нет.

Более ста лет назад, в годы перестройки девятнадцатого века, Александр III на письме Марии Александровны Ульяновой начертал такую резолюцию: «Мне кажется желательным дать ей свиданье с сыном, чтобы она убедилась, что это за личность ее милейший сынок, и показать ей показания ее сына, чтобы она видела, каких он убеждений».

Нет никаких оснований предполагать, что он когда-либо знал Марию Ульянову и каким-то образом относился пристрасно к ее имени и просьбе.

Впрочем, нельзя представить себе, чтобы умная и деликатная Мария Александровна в официальном письме позволила себе вольность напоминания, а царь в официальном ответе снизошел до лирических воспоминаний.

Почему же царь так быстро откликнулся на письмо госпожи Ульяновой и разрешил ей свидание с сыном, дал ему возможность покаяться?

Это вопрос типичного советского человека, живущего в беззакониях и жестокостях нашего времени, а тогда были

инные времена, свои жестокости и беззакония, но часто облеченные в благородные и возвышенные формы. Умное, страдающее, страстное письмо матери шестерых детей разве могло быть оставлено царем без внимания? Нет. Избежавший смертельной участи самодержец продемонстрировал великодушие не только перед матерью преступника, но и перед всем народом. Александру Ульянову была дана возможность остаться в живых. Почему он не воспользовался этой возможностью?

Присутствовавший при последнем свидании матери с сыном молодой прокурор Князев писал, что отказавшийся покаяться Александр Ульянов перед казнью сказал матери:

«Представь себе, мама, двое стоят друг против друга на поединке. Один уже выстрелил в своего противника, другой еще нет, и тот, кто уже выстрелил, обращается к противнику с просьбой не пользоваться оружием. Нет, я не могу так поступить».

Вот тут в покушении Александра на Александра возникает некий акцент – Александр Ульянов видит в своем поступке не покушение на жизнь, а дуэль. Благородный, чуткий и честный Александр Ульянов видел в царе противника? Он хотел исполнить долг чести?..

Иван Федорович Попов говорил мне, и не раз (у него была привычка пожилых людей повторяться), что Инесса Арманд развивала тему так: после смерти отца, в 1886 году, Александр, разбирая бумаги покойного, наткнулся на документ,

касающийся пребывания при императорском дворе девицы Марии Бланк, — то ли пожалование материального характера на новорожденного, то ли письмо, раскрывающее тайну.

Александр поделился открытием с Анной, которой эта бумага лично касалась. И оба поклялись отомстить. Жажда мести привела их к народовольцам, чьи идеи совпали с их намерениями. Но Александр не хотел впутывать сестру и в решающий момент отстранил ее от задуманного акта. Против Анны улик не было, ее отпустили.

Инессе Арманд не было известно, знал ли об этом Ленин. Она не считала возможным заговаривать с ним на эту тему. Так, во всяком случае, она говорила Попову.

Как бы то ни было, две беды, безусловно, перевернули в 80-х годах жизнь семьи Ульяновых: внезапная смерть отца, сделавшая детей сиротами, и казнь Александра, сделавшая детей революционерами.

Что же касается легенды...

Этот стог сена пока еще слишком велик, чтобы сразу найти в нем иголку.

* * *

Вернемся к Крупской, пришедшей провести больного Владимира. Ее насквозь просветил взгляд Марии Александровны Ульяновой, дамы с черным кружевом вуалетки на аля маркиза Помпадур седых до голубизны волосах.

В 1894 году Мария Александровна была уже закаленной матерью революционеров и, взглянув на Крупскую, поняла, кем может стать для сына эта сильная молодая женщина.

Не красавица? Тем лучше, меньше ветра будет в голове. Сыну не придется страдать от ревности.

Из бедной семьи? Лучше бы, конечно, из богатой, но бедная с достоинством будет переносить тяготы жизни.

Да, именно такую жену она может пожелать своему сыну, ибо жене надлежит скитаться по ссылкам за мужем-революционером...

Далеко не сразу соединили свои судьбы Надежда Крупская и Владимир Ульянов. Добрых четыре года порознь шла лишь совместная революционная работа. Тюрьма и ссылка подстегнули их к решению. Соратники Ленина, люди молодые, холостые, взяли за правило, отправляясь в ссылку, обзаводиться фиктивной невестой, «назначенной» им партией. В сущности, сотрудницей по работе. Фиктивные невесты часто становились реальными женами.

Ленин сделал выбор сам. Крупская сидела в тюрьме, там и получила от него письмо с признанием в любви и предложением стать женой. Это означало: ей нужно проситься в ссылку туда, куда сослали его. Что она и сделала. Получила разрешение ехать вместе с матерью.

Елизавета Васильевна была готова служить молодоженам и кухаркой, и прачкой, и горничной, лишь бы почти тридцатилетняя бесхозяйственная дочка, выйдя из тюрьмы, – стыд-

но подумать – в тюрьму попала! – зажила замужней жизнью.

Пусть в ссылке. Пусть со ссыльным. Что делать – такое время и такие судьбы у русских людей.

Детки пойдут – Надя любит детей.

Добрая женщина благодарно полюбила будущего зятя, и он отвечал ей тем же, понимая, что уют, покой и порядок с Надеждой возможны лишь в присутствии Елизаветы Васильевны.

Был у Ивана Федоровича Попова смутный рассказ, как сам он говорил, «сомнительный», о некой казанской красавице Елене Лениной, якобы пообещавшей Ульянову поехать за ним в Сибирь, да передумавшей в последнюю минуту.

Были сплетни злопыхателей Крупской: мол, она взяла в руки зеленую лампу для создания в Шушенском семейного уюта и, можно сказать, поставила Ленина перед фактом своего появления. Но документы говорят обратное. В письме к матери от 10 декабря 1897 года Ленин пишет: «Я получил письмо от Глеба, что он подал прошение о приезде ко мне на праздники, на десять дней... Для меня это будет очень большое удовольствие. Из Теси пишут еще, что Зинаиде Павловне вышел приговор – 3 года северных губерний и что она перепрашивается в Минусинский округ. Так же намерена, кажется, поступить и Надежда Константиновна». (Глеб – это Кржижановский, Зинаида Павловна Невзорова – подруга Крупской. – *Л.В.*)

Похоже, все его надежды связаны с Надеждой. И есть тут

у меня одно «подозрение»: Крупская в молодости с ее косою и добрым выражением лица вполне выглядела тургеневской девушкой. А кто не знает, что Владимир Ильич в юные годы зачитывался Тургеневым и любимым романом его было «Дворянское гнездо». Не казалась ли ему Надежда похожей на Лизу Калитину?

Через всю жизнь Ленина проходит вереница обожающих, поклоняющихся, служащих ему женщин – мать, жена, сестры, подруги жены и сестер, соратницы-революционерки, секретарши, служанки и домработницы. В его ответном отношении к ним всегда живет забота чисто революционного характера: он талантливо умеет направить женскую энергию на общее великое дело.

* * *

Невеста прибыла к жениху сквозь трудности, с задержками. Долго ехали они с матерью в Красноярск, потом паромом до Сорокина, оттуда до Минусинска. По проселочной дороге наконец добрались до Шушенского.

Сумерки.

Никто их не встречает. В доме крестьянина Зырянова, где живет жених, никто их не ждет. Владимир Ильич на охоте.

Вот те раз – на охоте!

Крупская распаковывает вещи, а они падают из рук.

Как же так, на охоте?! Не ждет?! Готова разреветься, оби-

даться, уехать, забыв, что ее избраннику, по ее же собственному решению, все на свете разрешено.

Шушенская ссылка (1898–1900) описана самой Крупской как счастливое время жизни. Власти заставили их повенчаться. Два убежденных атеиста пошли под венец, к явной радости Елизаветы Васильевны: раз повенчаны, никуда он от нее не денется, значит, Бог благословил, что бы они оба против Бога ни плели!

Советская ленинская иконография так причесала, так обмылила эту пару, что никаких закавык не найдешь, и от скуки скулы сводит, а между тем именно в Шушенском случилось то, о чем стеснялась и мечтать скромная Надя, – в ней проснулась могучая, страстная женщина, она наслаждалась всем сразу: и природой, и любовью, и духовным общением со своим идолом, и тем, что среди многих ссыльных поселенцев она была самая привлекательная женщина и не было ей конкуренток по всему Шушенскому. Какой там «синий чулок»!!!

Вот когда стала она настоящей красавицей – щеки горели, тоненькая фигурка и скромные, но петербургские платья вызывали восторженные взгляды деревенских девушек. Косу длинную, пушистую она распускала из женского кокетства, чтобы все видели, какая она хорошая, какая молодая, хоть и тридцати лет...

Все, кто встречал Крупскую в Шушенском, в один голос восхваляли ее прелести, а революционер Лепешинский го-

ворил, что от ее очарования у всех дух захватывало. В нее влюблялись.

В двадцати верстах от Шушенского жил и работал на сахарном заводе ссыльный революционер Виктор Константинович Курнатовский. Ульяновы однажды выбрались к нему в гости. Октябрь. Замерзли реки. Выпал снег. Курнатовский работал тяжело, по двенадцать часов в сутки. Жизнь за спиной была нелегкая – тюрьмы, ссылки.

Крупская увидела его, сердце ее сжалось и не разжималось, пока не вернулась в Шушенское. Красоты Курнатовский был необычайной, а увидев Надежду, он, живший в одиночестве, тоже разволновался.

О, что случилось с обычно скромной, молчаливой Крупской! Она поразила нового знакомого образованностью, а также остротой суждений. Виктор Курнатовский водил молодоженов по сахарному заводу, и душа его пела. Ее душа тоже пела. По-новому увидел муж свою скромную Надежду.

Взревновал? Маловероятно. Принципы профессиональных революционеров не допускали «обывательщины». Крупская писала: «Мы ведь молодожены были – и скрашивало это ссылку. То, что я не пишу об этом в воспоминаниях, вовсе не значит, что не было в нашей жизни ни поэзии, ни молодой страсти. Мещанства мы терпеть не могли, и обывательщины не было в нашей жизни. Мы встретились с Ильичом уже как сложившиеся революционные марксисты – это наложило печать на нашу совместную жизнь и работу».

Продираясь сквозь официоз этих слов, я все же думаю, что Курнатовский навсегда остался ее маленькой тайной, пусть даже известной Ленину, но ее личной собственностью, как воспоминание.

– Вы, Надюша, по отчеству Константиновна, и я Константинович! – говорил ей в тот день Курнатовский, как бы оправдывая свою влюбленность. – Можно подумать, что мы брат и сестра.

И она улыбалась ему, и запоминала всякие несущественные мелочи, отдельные его фразы, вроде бы незначительные. Почему-то запомнила и во всех воспоминаниях потом рассказывала, как шли они с Курнатовским мимо сахарного завода, где он служил, а навстречу – две девочки, одна постарше, другая маленькая. Старшая несет пустое ведро, младшая – со свеклой.

– Как не стыдно, большая заставляет нести маленькую, – сказал Курнатовский старшей девочке. Та только недоуменно на него посмотрела.

* * *

Описывая подробности своего быта в ссылке, Крупская простодушно выкладывала такое, из чего можно сделать любые выводы: «Дешевизна в этом Шушенском была поразительная. Например, Владимир Ильич за свое жалованье – восьмирублевое пособие – имел чистую комнату, кормежку,

стирку и чинку белья... Правда, обед и ужин был простоват – одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока не съест; покупали на неделю мяса, работница во дворе в корыте, где корм скоту заготавливали, рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на целую неделю. Но молока и шанег было вдоволь».

И кому, подумает иной читатель, мешал царский режим, если самых что ни на есть злостных революционеров в ссылке, как на убой, задешево откармливали? Где они теперь, те бараны?

С приходом Крупской и ее заботливой матери жизнь Ленина улучшилась.

Надежда Константиновна рассказывает: «Зажили семейно. Летом никого нельзя было найти в помощь по хозяйству».

С нашей сегодняшней колокольни, кого бы и искать, их же двое – мать и дочь. Да и хозяйство невеликое. Но у каждого времени свой фасон...

«Мы с мамой воевали с русской печкой. Вначале случилось, что я опрокидывала ухватом суп с клецками, которые рассыпались по исподу. В октябре появилась помощница, тринадцатилетняя Паша, худущая, с острыми локтями, живо прибравшая к рукам все хозяйство».

Вот так и было: две взрослые женщины не справились, а тринадцатилетний деревенский подросток осилил. И нико-

му из пламенных революционеров не пришло в голову, что в лице Паши они использовали наемный детский труд, против чего восставали, когда дело не касалось их самих.

В Шушенском революционное развитие шло попеременно с мечтами о будущем: «По вечерам мы с Ильичом никак не могли заснуть, мечтали о мощных рабочих демонстрациях, в которых мы когда-нибудь примем участие».

В воспоминаниях Крупской о Шушенской ссылке мелькают совершенно новые, жесткие, прежде не свойственные ей ноты. В Минусинском уезде было много ссыльных – народовольцев и новых социал-демократов. Народовольцев называли «стариками». Один из новых убежал. «Старики», узнав о его побеге из ссылки, рассердились, что их не предупредили: могли быть обыски, а они «не почистились», то есть не припрятали кое-что нелегальное из литературы.

Муж сказал Надежде Константиновне: «Нет хуже этих ссыльных историй, они страшно затягивают, у “стариков” нервы больные, ведь чего только они ни пережили, каторгу перенесли. Но нельзя давать засасывать себя таким историям, – вся работа впереди – нельзя себя растрчивать на эти истории».

Сама по себе Крупская растратилась бы и не заметила даже, что растратилась. Но, постепенно становясь отражением Ленина, она училась быть во всем согласной с ним. Пишет: «Владимир Ильич настаивал на разрыве со “стариками”. Помню собрание, на котором произошел разрыв. Реше-

ние о разрыве было принято раньше, надо было провести его, по возможности, безболезненно. Рвали потому, что надо было порвать, но рвали без злобы, с сожалением. Так потом и жили врозь».

Прежняя Надя понимает, что это жестоко. Речь ведь идет всего лишь о простом общении в ссылке. О добрых отношениях с пожилыми людьми. О внимании к ним. В условиях ссылки, где люди живы вниманием и поддержкой, такой разрыв был смертелен для «стариков».

Новая Надежда Константиновна из добродушной женщины рядом со своим героем постепенно превращается в жесткого солдата революции. И вместе с этим превращением постепенно происходит другое, как бы приводя в соответствие форму и содержание: угасает мимолетная красота Надежды. Этому сильно способствует начинающийся тиреотоксикоз, в просторечии «базедова болезнь», которая наложит отпечаток на всю жизнь Крупской, но выбранного ею пути не изменит, напротив, как бы исключит все отвлекающие от главного дела радости и увлечения жизни, способные подстеречь тургеневскую девушку Надежду на ее революционном пути.

Созидательницы разрушения

Окидывая мысленным взором двадцатый век и подступы к нему, видишь немало фигур, вроде бы определивших поступь этого столетия: президенты и ученые, писатели и всех видов воздухоплаватели. Но они – всего лишь следствия. А кто – причины?

Пусть немногие согласятся со мной. Пусть рискую я быть осмеянной – все же скажу: ищите женщину! Если вы не увидите во всех подвигах и подлостях человечества, где-то на грани сумрака и света, на границе чувства и ума, на перекрестке добра и зла женской тени, то вы не увидите и не поймете ничего о себе и своем времени.

Две женщины – каждая по-своему скромная, – стоя у изголовья новорожденного века, собственными руками подарили нам его таким, какой он сегодня есть, две славянки – Мария Владиславовна Склодовская и Надежда Константиновна Крупская.

Своими нежными ручками они выпустили из бутылок джиннов, которых вычислили их мужья. Не будь обе столь старательны, самозабвенны и преданы делу своих мужчин, история развивалась бы иначе.

По воле судьбы, по таинственному ли знаку Космоса обе родились в России? Польша – место рождения Склодовской – тогда входила в состав Российской империи.

Знаменательно сопоставление некоторых подробностей их биографий:

1867 – родилась Мария Склодовская.

1869 – родилась Надежда Крупская.

1883 – Склодовская окончила гимназию с золотой медалью, работала домашней учительницей.

1886 – Крупская окончила гимназию с золотой медалью, работала домашней учительницей.

1885–1901 – Склодовская обучала деревенских детей грамоте.

1891–1896 – Крупская обучала рабочих в вечерней воскресной школе.

1895 – Склодовская вышла замуж за Пьера Кюри.

1898 – Крупская вышла замуж за Владимира Ульянова-Ленина.

1897–1906 – Склодовская вместе с Кюри совершила открытия века: радиоактивность урана, новые химические элементы – полоний и радий. Путь к использованию энергии атома был открыт.

1903–1917 – Крупская вместе с Лениным создала и развивала новацию века: партию большевиков, чья политическая активность повернула русскую революцию по ленинскому пути.

1906–1931 – пик пройден. Склодовская, после смерти мужа, продолжала работу в благоприятных европейских условиях.

1924–1939 – пик пройден. Крупская, после смерти мужа, продолжала работу в неблагоприятных сталинских условиях.

1934 – кончина Марии Склодовской.

1939 – кончина Надежды Крупской.

О чем говорят эти факты? Обе – современницы, обе – великие созидательницы, сотворившие силы разрушения. Вот картины их труда.

Говорит Склодовская, которая четыре года варила радио-активную кашу, создавая свое чудовище Франкенштейна: «Мы с головой ушли в новую область, которая раскрылась перед нами благодаря неожиданному открытию. Несмотря на трудные условия работы, мы были счастливы. Все дни мы проводили в лаборатории. В жалком сарае царил полный мир и тишина: бывало, что приходилось только следить за ходом той или другой операции... В нашем общем, едином увлечении мы жили как во сне. В этом дрянном сарае протекали лучшие и счастливейшие годы жизни, всецело посвященные работе. Нередко я готовила какую-нибудь пищу тут же, чтобы не прерывать ход особо важной операции. Иногда весь день я перемешивала кипящую массу железным шкворнем длиной почти в мой рост. Вечером я валилась от усталости...

Мне приходилось обрабатывать в день до двадцати килограммов первичного материала – и в результате весь сарай

был заставлен большими химическими сосудами с осадками и растворами; изнурительный труд – переносить мешки, сосуды, переливать растворы из одного сосуда в другой, по нескольку часов подряд мешать кипящую жидкость в чугунном тазу...»

Дочь Склодовской Ева дополняет этот рассказ своими подробностями:

«Мари обрабатывает килограмм за килограммом тонны урановой руды. Со страшным упорством в течение четырех лет она ежедневно перевоплощалась по очереди в ученого, квалифицированного работника, инженера и чернорабочего. Благодаря ее мозгу и энергии все более и более концентрированные продукты с большим и большим содержанием радия появлялись на ветхих столах сарая. В жалком, продуваемом со всех сторон сарае носится пыль с частицами железа и угля, которые примешиваются к старательно очищенным продуктам обработки, что приводит Мари в отчаяние. Пьеру так надоела эта бесконечная борьба, что он готов отказаться от нее. Он советует Мари сделать передышку. Но Пьер не учел характера своей жены. Мари хочет выделить радий и выделит...»

В 1902 году, спустя сорок месяцев с того дня, когда супруги Кюри заявили о вероятном существовании радия, Мария наконец одерживает победу.

Благодаря ее великим, бескорыстным и благородным стараниям мы имели Хиросиму, Нагасаки, Семипалатинск,

Неваду и Чернобыль. Во всей красе.

Думала ли эта упрямая славянка, чем обернется для человечества ее одержимость? Сначала и думать не могла, пока не увидела, по каким рукам пошло ее открытие.

Стоило ли так стараться и умереть от лейкоза?

(В Старом Мясте Варшавы, на улице Фрета, 16, где родилась Мария Склодовская-Кюри, есть небольшой музей. В нем фотографии разных этапов ее жизни, документы, памятные медали, награды, докторские мантии. И отдельно стол с теми «кастрюльками», в которых она варила свою радиоактивную кашу.

Одна деталь бросилась мне в глаза: на всех групповых фотографиях Марии Владиславовны, где она снята вместе с великими учеными века, даже на тех, что сделаны в ее честь, она не в центре, а с краю или близко к краю.

Что это? Скромность Склодовской? Невежество или неосознанная амбиция великих мужей, всегда желающих быть в центре? Досадная, повторяющаяся случайность? Или подсознательное ощущение женщиной, а также мужчинами, негласного второстепенного женского места? – Л.В.)

В то же самое время другая семейная пара в Европе, попав из Шушенского в эмиграцию, и даже отчасти в том же Париже, где супруги Кюри выделяли радий, не зная отдыха, создает механизм, машину огромной разрушительно-созидательной силы, способную управлять человечеством, творит с самыми лучшими, как и Кюри, намерениями: во имя

торжества человека, его будущего...

Говорит Крупская: «Ночи не спал Ильич, после каждого письма из России... Остались и у меня в памяти эти бессонные ночи. Владимир Ильич страстно мечтал о создании единой, сплоченной партии, в которой растворились бы все обособленные кружки со своими основывавшимися на личных симпатиях и антипатиях отношениями к партии, в которой не было бы никаких искусственных перегородок, в том числе и национальных...»

Удивительно близки процессы мертвой и мыслительной природы, лишь перевернуты: в первом случае из огромной массы выделяется малое, но ценное, во втором – из малого создается огромное, но тоже ценное.

Годами, без сна и отдыха, Крупская, плохая домашняя хозяйка, замечательно работает на политической кухне: шаг за шагом, крупица за крупицей помогая Ленину собирать партию, трудится на износ.

Съезды сменяются конференциями, конференции – съездами. Она участвует в их организации во всех ипостасях: от механической работы до ораторской на трибунах, пишет свои собственные брошюры и книги, переписывает ленинские, секретарствует в ЦК РСДРП, делегатствует на самых важных собраниях, организует партийную школу в Лонжюмо, пишет статьи по вопросам педагогики, учит жить женщин – левых социалисток, в войну работает в комитете заграничных организаций среди пленных, разрабаты-

вает проекты, составляет программы, участвует в выработках резолюций, заведует культурно-просветительной работой, сотрудничает в «Искре», «Пролетарии», «Рабочей газете», «Правде». Она многожительная. Не жалуется на усталость. Забывает себя в работе. Но никогда не забывает переживать Его усталость: «С самого начала съезда нервы Ильича были напряжены до крайности. Бельгийская работница, у которой мы поселились в Брюсселе, очень огорчалась, что Владимир Ильич не ест той чудесной редиски и голландского сыру, которые она подавала ему по утрам, а ему было и тогда уже не до еды. В Лондоне же он дошел до точки, совершенно перестал спать, волновался ужасно».

Иногда и он замечает ее бессонные ночи над бумагами и письмами в короткой строке письма к своей матери: «Надя устает немного».

Он ценит жену и соратницу: «Ильич лестно отозвался о моих исследовательских способностях... я стала его усердным репортером. Обычно, когда мы жили в России, я могла много свободнее передвигаться, чем Владимир Ильич, говорить с гораздо большим количеством людей. По двум-трем поставленным им вопросам я уже знала, что ему хочется знать, и глядела вовсю», – писала Крупская спустя много лет после смерти Ленина, из скромности приоткрывая лишь часть своего самоотверженного служения всепожирающей идее, выраженной в Его лице.

«Она стояла в центре всей организационной работы,

принимала приезжавших товарищей, наставляла и отпускала отъезжавших, устанавливала связи, давала явки, писала письма, зашифровывала, расшифровывала. В ее комнате почти всегда стоял запах жженой бумаги от нагревания конспиративных писем», – вспоминает Крупскую Троцкий в книге «Моя жизнь».

С талантливой точностью определила суть и особенность личности Крупской Александра Коллонтай в небольшой заметке, написанной к десятилетию со дня смерти Надежды Константиновны, та самая блистательная Коллонтай, которую не упрекнешь в нежном пристрастии к ленинской подруге жизни: «Когда Ленину пришлось долгие годы жить в изгнании, вдали от родины, руководя и оттуда работой партии, Надежда Константиновна была не просто его личным секретарем, а **целым аппаратом** (подчеркнуто мной. – Л.В.) Заграничного бюро партии».

Сомнительный комплимент женщине из уст женщины, но разве это женщина о женщине говорит?

Оглядываясь на минувший век, приходится признать, что без Крупской Ленин никогда не добился бы своих ошеломляющих успехов: взяв ВЛАСТЬ и не имея налаженной машины, он выпустил бы ее из рук.

Работа с человеческой рудой шла дольше и труднее, чем с радиоактивной. Но в обоих случаях сомнений в победе ученых и революционеров не было.

В обоих случаях двадцатое столетие получило два отлич-

но подготовленных подарка: РАДИЙ и РЕВОЛЮЦИЮ.

В обоих случаях за спинами глобально мыслящих мужчин стояли невероятно трудолюбивые женщины.

Древнейшая коллизия мира: мужчина дает идею, женщина вышивает рисунок по его схеме, не имея своей.

В обоих случаях сегодня человечество еще не определилось: благодарить ли за подарки две выдающиеся семейные пары столетия или проклинать их.

В обоих случаях вряд ли определится человечество, ибо случилось лишь то, что должно было случиться.

В сравнении Скловской и Крупской, даже внешне отдаленно похожих, ощутим один и тот же масштаб разных личностей, определение которого вычерчивает фигуры огромной величины, независимо от конечного результата их работы и от симпатий или антипатий тех, кто смотрит на них, пытаясь разобраться, что же они такое.

Любовница Ленина?

– А что я знаю! – сказала мне подружка Аленка, оглядываясь по сторонам в маленькой комнатке, где, кроме нее и меня, никого не было. – Никому не скажешь?

– Клянусь!

– Честное пионерское? Под салютом всех вождей?

– Да!

– У Ленина есть любовница!

– Его самого давно нет.

– Ну, была, когда был.

– Врешь!

– Нет. Моя няня Настя дружит с Катькой. Она домработница у дочки любовницы Ленина. У нее еще до Ленина был муж. И много-много детей. Чуть не десять штук. Она их бросила и убежала с Лениным делать революцию.

– А Крупская как же?

– Не знаю...

Этот дурацкий разговор происходил в конце сороковых. Мы не были атомными детьми. Зато отлично знали, что в Америке голодают черные ребятишки, что за счастливое детство, какое бы оно ни было, нам нужно говорить спасибо товарищу Сталину и что дедушка Ленин хоть и умер, но веч-но живой и каждый день завещает нам учиться, учиться и еще раз учиться. Коротенькое «еще раз» делало всю фразу не слишком серьезной и смешило: как так – «еще раз»?

Если с именем Сталина всегда было связано нечто гроз-но-грандиозное, то с именем дедушки Ленина ничего осо-бенно не связывалось. Он жил в нашем представлении сна-чала как хорошенький кудрявый ребенок, потом гимназист – белая статуя – одна рука оперлась на тумбу, другая лежит на ремне брюк; и, наконец, лысенький, с небольшой бородкой и прищуренными глазками, симпатичный старичок.

У него была любовница? А как же Крупская?

Она представлялась всегда одинаково скучной, седой, се-ро-синей глыбой, с вытаращенными глазами в очках.

Какая любовница, ведь они такие старые!

Лет через пять, совершенно забыв о сенсации Аленки, в подмосковной электричке, идущей из Пушкина, я услышала обрывок тихого разговора двух пожилых женщин.

– Арманд строил, потому и стоит. Были бы они сегодня, другая бы жизнь была.

– Какой человек! Инесса пятерых ему оставила. Всех воспитал.

– Стеша детей подняла. Ему ее Бог послал.

Они перешли на шепот, а в моей голове отпечатались два знакомых слова: Арманд, Инесса. Инесса Арманд – соратница Ленина и Крупской. Забыла и об этом разговоре. Средняя школа делала все, чтобы жизнь Ленина не вызывала к себе никакого любопытства. Общество должно было принять на веру мысль об идеальном Ильиче и не слишком задумываться над его жизнью.

Наконец, летом 1953 года, на даче Ивана Федоровича Попова, в первые же дни моей жизни там, сидя за обедом рядом с бойким молодым режиссером, приехавшим к Попову, я вдруг замерла от вопроса режиссера, обращенного к Попову:

– Иван Федорович, это правда, что вы были близко знакомы с Инессой Арманд?

Попов быстро переглянулся с женой.

– В какой-то степени. Нас обоих сослали в Мезень. Потом вместе работали за границей в Интернационале...

– Напишем сценарий «Любовь Ленина»?

Лицо Попова напряглось.

– В каком смысле – любовь?

– В прямом. Вы же сами все понимаете. Покажем, как люди преодолевали чувства ради революционного долга.

Лицо Попова смягчилось:

– Не помню, чтобы чувства кто-то преодолевал ради революционного долга. О какой любви вы говорите? Не знаю.

Режиссер уехал несолоно хлебавши. Между Поповыми разгорелся скандал:

– Откуда ты взяла этого провокатора? Зачем привезла его?

– Но, Жан, он пристал как банный лист. Он был такой милый. Я не могла отказать. Я не так воспитана. Ну, ничего, ты ведь его отшил.

Люди из поколения Попова – конспираторы. Они прошли школу жандармской слежки, ленинской подозрительности, сталинской нетерпимости. Школу большевистской опасности и множества фигур умолчания.

В тот же вечер я связала одной ниткой рассказ Аленки о любовнице Ленина, разговор двух женщин в электричке и вопросы режиссера. Нужно спросить Ивана Федоровича про Инессу Арманд.

Красиво звучит имя: Инесса Арманд! Загадочно! Привлекательно! Одновременно возникает нечто и воздушное, и величественное.

За первым же нашим с Иваном Федоровичем «тайным» обедом он сказал:

– Инессу я знал более, чем кого бы то ни было из революционеров.

– Правда, она была любовницей Ленина?

Иван Федорович ничего не ответил. А в конце обеда назидательно, что редко делал, произнес:

– Запомни, жизнь значительно сложнее, чем может показаться, а слово – страшная сила. Неточное слово опасно для писателя. И вообще для человека. Инессу Арманд никак нельзя назвать любовницей Ленина. Это все гораздо, гораздо сложнее.

* * *

Попробую воспользоваться описанием Инессы Арманд, сделанным ее биографом, Павлом Подляшукот: «Длинные косы уложены в пышную прическу, открыты маленькие уши, чистый лоб, резко очерченный рот и зеленоватые, удивительные глаза: лучистые, внимательно-печальные, пристально глядящие вдаль».

Трудно представить.

Фотографии? Разочаровывают. На фотографиях она кажется мне похожей на хищную птицу – клювообразный нос, летящий профиль. В застылости фотоснимка лицо скорее отпугивающее, чем притягивающее к себе. Но, видимо, это

лицо в движении, в разговоре, в улыбке, в сиянии глаз было неповторимо, неуловимо прекрасно, иначе не сходились бы в единодушном мнении все люди, хоть раз видевшие Инессу Арманд.

«Она была необыкновенно хороша».

«Это было какое-то чудо! Ее обаяния никто не выдерживал».

«Она своим очарованием, естественностью, манерой обращаться выжигала пространство вокруг себя. Все переставало существовать, когда появлялась Инесса, начинала говорить, улыбаться. Даже хмуриться».

Пятнадцати лет от роду две девочки, осиротевшие дочери французских актеров Натали Вильд и Теодора Стефана, приехали в Россию к своей тетке, которая давала уроки музыки и французского языка в богатой русской купеческой семье.

Еще и сегодня в подмосковных Пушкине, Ельדיгине, Алешине помнят хозяев торгового дома «Евгений Арманд с сыновьями». Глава клана Евгений Евгеньевич Арманд был владельцем лесов, поместий, доходных домов в Москве, шерстоткацкой и красильно-отделочной фабрики в Пушкине, на двадцать восьмой версте от Москвы. Братья, сыновья и племянники Евгения Арманда вели коммерческие дела в России и за границей. Были Арманды обрусевшие французы, что, возможно, объясняет их особое пристрастие к двум девочкам, Инессе и Рене Стефан, появившимся в семье вместе с их тетушкой-гувернанткой.

Эти девочки, прямо из Парижа, такие хорошенькие, умненькие, изящные, прекрасные музыкантши, как дикувинные пташки, влетели в семью Армандов, где их словно ждали юноши, готовые полюбить со всей страстью романтических сердец: трое сыновей Евгения Евгеньевича Арманда – Александр, Владимир, Борис. Разумеется, такие девочки, по законам тогдашней русской жизни, не годились в невесты братьям Арманд. Но, во-первых, братья были юношами очень прогрессивными, все их мысли, а позднее и поступки направлялись не на укрепление основ торгового дома «Евгений Арманд с сыновьями», а на расшатывание основ – особенно ярко выразили это всей своей жизнью Владимир и Александр; во-вторых, и, по-моему, в-главных, французское происхождение девочек Стефан явилось тем самым первоначальным очаровывающим фактором, устоять против которого не было никакой возможности.

Россия всегда смотрела на все иностранное как на чудесное. Быть может, виной тому – железный занавес на окне, глядящем в Европу и прорубленном из Европы Петром Первым? Во времена моей молодости, в 50—60-х годах XX века, для юноши из преуспевающей, скажем, московской писательской семьи было великим успехом и престижем жениться на молоденькой иностранке, работавшей нянкой в аккредитованной в СССР посольской семье. Это давало запасные связи и открывало такому юноше тропинку на Запад или даже широкую дорогу, если юноша обладал каким-либо даро-

ванием в области искусств общедоступного характера: балете, музыке, кино, живописи.

В дни же юности братьев Арманд, не нуждающихся в невестах «на выезд», образ юной француженки как бы намекал на искру от пламени Великой французской революции. Эдакая Марианна с баррикады. Инесса вполне могла напомнить ее.

Инесса вышла замуж за Александра Арманда, Рене – за Бориса.

Для того чтобы в какой-то степени понять обрусевшую и революционизированную Инессу, следует обратиться, мне кажется, к великой русской художественной литературе, во многом сформировавшей мировоззрение молодежи конца XIX – начала XX века. Инесса и сама признается, что на ее образ мыслей наложили отпечаток взгляды Льва Толстого. Она пишет: «Некоторые его фразы и характеристики как-то запечатлеваются на всю жизнь, иногда даже дают ей направление. Например, в “Войне и мире” есть одна фраза, которую я прочитала, когда мне было 15 лет, и которая имела огромное влияние на меня. Он там говорит, что Наташа, выйдя замуж, стала самкой. Я помню, эта фраза показалась мне обидной, ужасно обидной, она била по мне, как хлыстом, и она выковала во мне твердое решение никогда не стать самкой – а остаться человеком».

Заглянем в «Войну и мир»: «Она пополнела и поширела, так что трудно было узнать в этой сильной матери прежнюю

тонкую, подвижную Наташу. Черты лица ее определились и имели выражение спокойной мягкости и ясности. В ее лице не было, как прежде, этого непрестанно горевшего огня оживления, составлявшего ее прелесть. Теперь часто видно было одно ее лицо и тело, а души вовсе не было видно. Видна была одна сильная, красивая и плодовитая самка. Очень редко зажигался в ней теперь прежний огонь. Это бывало только тогда, когда, как теперь, возвращался муж, когда выздоравливал ребенок или когда она с графиней вспоминала о князе Андрее (с мужем она, предполагая, что он ревнует ее к памяти князя Андрея, никогда не говорила о нем) и, очень редко, когда что-нибудь случайно вовлекало ее в пение, которое она сама совершенно оставила после замужества.

И в те редкие минуты, когда прежний огонь зажигался в ее развившемся красивом теле, она бывала еще более привлекательна, чем прежде».

Что же тут, скажите, плохого написано про Наташу Ростову? И почему же такая ее трансформация, столь типичная для женщины, возмущала в юности прелестную француженку, которая тем не менее, войдя в возраст, повторила судьбу Наташи: вышла замуж, была некоторое время счастлива в браке, нарожала деток Александра, Федора, Инессу, Варвару. Разве же это не одна из главных миссий любой женщины: дать жизнь? Что тут обидного?

Во времена молодости Инессы пробудившееся женское общественное сознание жаждало активной деятельности.

Женщина бежала не в дом, к очагу – а из дому. Это было поветрие. Знамение времени. Закономерность тогдашнего бытия. И это сыграло свою роль в формировании того типа женщины-мутанта, который прошел позднее со своими нерешенными проблемами через весь двадцатый век, неся знамена мужской борьбы, как свои собственные.

Лишь сегодня, возможно, наступает пора отрезвления.

Наступает ли?

Инесса, не принимая женского образа Толстого, всем сердцем приняла, однако, другой женский образ, который не одной Инессе вошел в сердце. Он, как известно, натворил в жизни русских людей немало чудес: Вера Павловна Лопухова-Кирсанова из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

Это она, литературное воплощение Ольги Сократовны, жены Чернышевского, сумела, как никто, повлиять на любовные треугольники реальной жизни: одна женщина и двое любящих ее мужчин.

И все трое счастливы!

Двое мужчин любят тебя одну и готовы ради тебя на всяческие подвиги. Какой женщине не понравится такая ситуация?

Счастливая и благополучная жена Александра Арманд, старшего среди братьев, могла далеко не глядеть в поисках третьего угла треугольника, она его и не искала: брат ее мужа Владимир Арманд, в своих революционных воззрениях

пошедший дальше старшего брата, исповедовавший социал-демократию, оказался очень близок Инессе. Они полюбили друг друга. Благородный Александр отпустил любимую жену с четырьмя детьми, и она поселилась с новым мужем на Остоженке в Москве для новой, прекрасной, счастливой жизни. Пятый ребенок Инессы – Андрей – был сыном Владимира Арманда.

Владимир, попав под революционное влияние Инессы, безоговорочно принял ее взгляды и пошел за нею, куда она повела его. Путь привел в тюрьму, ссылку, эмиграцию. Схема Чернышевского срабатывала полностью. Бывший муж, Александр Арманд, продолжал любить Инессу, помогал как мог: выкупал ее из тюрьмы, взял всех детей, когда она пошла по тюрьмам и ссылкам, выполнял все ее желания. Новый муж, Владимир, идя за женой в ссылку, терпел лишения, тоже выполнял все ее желания.

А она? Была ли счастлива женщина, построившая любовный треугольник самым благоприятным для себя образом?

Осенью 1908 года Инесса пишет из мезенской ссылки своим друзьям Аскнази: «Разлад между интересами личными или семейными и интересами общественными является для современного интеллигента самой тяжелой проблемой, так как сплошь да рядом приходится жертвовать либо тем, либо другим, да и кто из нас не стоит перед этой тяжелой дилеммой? И как ни вырешешь, одинаково тяжело».

Через несколько дней после того, как было написано это

письмо, Инесса бежит из мезенской ссылки, некоторое время проводит в Москве, встречается с детьми, находящимися на попечении Александра Арманда, и нелегально, через Финляндию, бежит за границу, где ее должен ждать заранее уехавший Владимир Арманд. Оттуда она пишет другое письмо тем же Аскнази: «Я, конечно, не подозревала, что ему так худо, и думала, что предстоит лишь небольшая операция – вскрытие нарыва... через две недели после моего приезда он умер. Для меня его смерть – непоправимая потеря, так как с ним было связано все мое личное счастье, а без личного счастья человеку прожить очень трудно».

Но в этом же письме она сообщает о своих намерениях, касающихся совсем иного счастья: «...переехала в Париж – хочу попытаться здесь позаниматься. Хочу познакомиться с французской социалистической партией. Если я сумею, смогу все это сделать, то наберу хоть немного опыта и знаний для будущей работы».

Революционерка Инесса, один раз встав на путь, с пути не сворачивает.

* * *

«Где эта прелестная моложавая вдова, медленно приходящая в себя от потери любимого мужа, познакомилась с Лениным? – интересуются исследователи. – В парижском кафе среди социал-демократов или в эмигрантской дешевой сто-

ловке? В русской библиотеке на улице Гобелен или в партийной типографии на улице Д'Орлеан? В Брюсселе, где наконец поселилась Инесса, а Ленин приезжал для участия в сессии Международного социалистического бюро?» Известно, что знакомство состоялось в 1909 году.

* * *

– Иван Федорович, – выбираю я удачный момент, – у Инессы был роман с Лениным?

– Роман – Арманд, рифма, – закатывает Попов к потолку свои карие глаза. – Вокруг нее всегда царила атмосфера красоты, поэзии, влюбленности.

– Так был у Инессы роман с Лениным?

Попов следит бархатными глазами, как большой мохнатый паук движется по своей невидимой нити между потолком и абажуром.

– Ты боишься пауков?

– Нет.

– Надо его смахнуть. Поди принеси щетку.

Он начинает рассказывать: в Мезени Инесса жила со вторым своим мужем Владимиром, что называется, душа в душу, и все вокруг любовались их отношениями. Но все были влюблены в нее. Она давала уроки французского ему, молодому Попову, и кокетничала с ним напропалую, но в ее кокетстве просматривалась граница, за которую нельзя было

переступать. Кокетство ради кокетства – чисто французская черта.

– Вы были влюблены в нее?

– Разумеется. Невозможно не влюбиться.

– Как она относилась к вам?

– Замечательно. Дала мне рекомендацию к Ленину, когда я приехал в эмиграцию, бежав из ссылки. В эмиграции мы с ней особенно сблизились.

– Что значит «особенно сблизились»?

Попов слегка щурится, улыбается:

– Как революционеры.

– Иван Федорович, Инесса когда-нибудь говорила о своем любовном треугольнике в семье Арманд?

– Да. Считала, что смерть Владимира – божья кара за Александра.

– Она? Марксистка?

– Ну и что? Мы говорили о любви. Инесса Федоровна уверяла, что физическое влечение часто не связано с сердечной любовью.

– Вы ей возражали?

– Нет. Она сказала – это было в двадцатом году, – что в ее жизни только однажды эти два чувства совпали: по отношению к Владимиру Арманду. И я был не один при этом разговоре. Человек пять нас было.

– Все-таки был у Инессы роман с Лениным?

– У Инессы Федоровны? Упаси бог! Она любила его как

своего Учителя. Мало кто знает, что с книги Ленина «Развитие капитализма в России» – Инесса Федоровна прочла ее, еще живя у Армандов в имении, – началось ее революционное прозрение. Она поверила Ленину как никому. Пошла за ним. Сначала заочно. Потом рядом.

– Но это могло лишь способствовать роману.

– Слушай, ты мне надоела, – говорит Попов, – не было у нее романа с Лениным.

* * *

Попов рассказывал:

– Одно время в Женеве мы жили в одном доме: Владимир Ильич и Надежда Константиновна наверху, я – внизу. Он работал днем и ночью. Она говорила мне: «У него железная дисциплина. Организм как часы: увидите, дня через три-четыре сам прервется, и мы с ним уйдем в горы».

Так и было: ровно через четыре дня, утром они ушли. С рюкзаками. Куда – не сказали. Вернулись через двое суток, похудевшие, с исцарапанными руками, но веселые и отдохнувшие.

«Вы удирали от диких зверей в зарослях?» – удивился я, показывая на их руки.

Надежда Константиновна ответила: «Этот человек ни в чем не знает удержу. Вошел в лес, вошел в раж, должен пройти лес до конца».

Вечером наша хозяйка-швейцарка сказала мне: «Господин Ульянов очень страстен. Вы заметили синяки на шее его жены? Это от поцелуев. Не спорьте, я знаю. Они давно поженились?»

Я ответил, что живут вместе уже второй десяток.

«Бывает», – мечтательно вздохнула она.

За ужином я украдкой посматривал на шею Надежды Константиновны: заметил несколько пятен, похожих на комариные укусы. Она их почесывала.

«Вас в лесах заели комары?» – поинтересовался я.

«Ильича они не едят, боятся, а ко мне равнодушны», – улыбнулась Надежда Константиновна.

Если бы она знала, какие подозрения эти пятна вызвали у нашей хозяйки! Впрочем, Крупская не была ханжой: любила показывать нам с Владимиром Ильичом красивых женщин на улицах, любовалась вместе с нами и спорила, какая лучше. Наши вкусы с ее вкусами часто не совпадали, и она говорила: «Женский взгляд иной. Женщине в женщине нравится скромность, а мужчину привлекает яркость. Нужно учиться видеть душу друг в друге, а не внешнее».

Мне, по молодости, эти слова показались назидательными и скучными.

Если швейцарская хозяйка дома, где жили Ульяновы и Попов, посчитала, в определенном смысле, Владимира Ильича страстной натурой, то Иван Федорович считал такой Надежду Константиновну, но в ином смысле.

– Страстная большевичка, страстный боец революции, страстная в работе. При этом она никогда ничего не демонстрировала и была, пожалуй, самым естественным человеком, каких я когда-либо встречал.

– Она была вам интересна как собеседница? – не отставала я от Попова.

– Нет. Я видел в ней часть Владимира Ильича. Не больше, хотя она была много больше.

– Она не вызывала в вас чувства жалости?

– В разное время по-разному. В Женеве и Брюсселе, конечно, нет. Напротив. Я замечал – она порой относилась к Ильичу с легкой иронией, если он начинал рассуждать на бытовые темы. «Зря вы его слушаете, – сказала она однажды, – Володя, как щедринские генералы, уверен, что булки растут на деревьях». А после его смерти, спустя годы, я жалел ее, но издали, зная, что она не позволит себя пожалеть.

* * *

– Учти, – сказал мне Попов, – я безгранично любил его. Весь день двадцать пятого января четырнадцатого года я провел с ним в Брюсселе. Он приехал из Парижа. И попросил прилечь, отдохнуть. Я принес ему плед, укрыл. Он уснул мгновенно. А я сидел в соседней комнате и думал, что если понадобится мне умереть за него – с радостью умру. Так-то вот. Тогда у меня был полный любовный крах – дочь моей

хозяйки Жанна, по которой я помирал, собралась замуж за другого. Приличного, добропорядочного бельгийца. Я не понимал, как это она предпочла меня кому-то. Меня! Жалкого эмигранта, политического ссыльного! Дурак, думал – меня можно любить ни за что. И Ленин в этот день сразу почувствовал мои неприятности.

«Вы что-то немножко не тот стали? Вы чем-то расстроены? Где причина?» – «Никакой причины нет». – «Если верно, что не знаете причины, тем хуже. Всегда нужно найти причину. И быстро ее устранить. Да вы и сами это знаете, но что-то скрываете и хитрите».

Мне не хотелось рассказывать ему о своих любовных неприятностях. И я замял разговор.

Лишь накануне его отъезда он вдруг спросил меня: «Почему я в этот приезд ни разу не встречал дочь мадам Арци? Где Жанна? Уехала куда-нибудь?» – «Разве я сторож Жанны, Владимир Ильич? Да и не будем об этом говорить. Это не стоит вашего внимания».

В дверях квартиры мы неожиданно столкнулись с хозяйкой и Жанной. Обе провожали гостя. Когда поднялись наверх в мою комнату, я сказал: «Ну вот вы и встретили Жанну. Это был ее жених, она выходит замуж».

Я стал искать спички, чтобы зажечь газовую лампочку, и само вырвалось: «Как бы я хотел убежать отсюда, ничего не видеть, не слышать!»

Владимир Ильич не отозвался. Раскрыв чемодан, он ска-

зал: «Не опоздать бы к поезду. Вы спуститесь-ка, расплатитесь за меня с хозяйкой, а я чай готовлю. И не поднимайтесь, я погашу газ, закрою комнату, и мы сойдемся вниз».

Я проводил его на вокзал, посадил в поезд, вернулся, войдя в комнату и зажегши свет, увидел посреди стола записку. На записке деньги.

«Вам надо уехать отсюда, – писал Ленин. Слово “надо” было дважды подчеркнуто. – Поезжайте немедленно к семье Инессы Арманд, они уехали на западное побережье в Сан-Жан-де-Мон. Рассейтесь там, отдохните. Я телеграфирую о вашем приезде. Зная, что у вас, как всегда, нет денег, оставляю вам двести франков».

А за подписью еще приписка, почерком помельче – на бумаге оставалось мало места: «И советую вам утопить ваши неприятности в океане».

– И вы поехали?

– Поехал.

– Утопили неприятности?

– Утопил. Мы с Инессой занялись работой.

– Так все-таки был у Ленина роман с Инессой?

– А вот это другой вопрос.

– Почему другой?

– Раньше ты спрашивала, был ли у Инессы роман с Лениным.

– И вы сказали: ни в коем случае. А у Ленина с Инессой, значит, был?

– Конечно, был.

– Настоящий роман? Расскажите. А как же Крупская?

– У нее тоже был своего рода роман с Инессой. Если это так можно назвать. Они обе, и Надежда Константиновна, и Елизавета Васильевна, с первой минуты знакомства окружили Инессу своим вниманием. У каждой были с Инессой свои отношения. Елизавета Васильевна проводила с Инессой часы за разговорами.

– Что их связывало?

– Представь, многое. Обе, в отличие от Надежды Константиновны, были отчасти барыни. Этого хватало для общих тем. Умная Елизавета Васильевна видела, что в Инессу нельзя не влюбиться, ну и по-своему, через дружбу с соперницей, оберегала свою Надю. И обе курили.

– Значит, все-таки было между Лениным и Арманд?

– Я свечу не держал.

* * *

Крупская – великий конспиратор. Умела затемнить и замолчать все, что угодно, лишь бы ее главная цель – победа революции – осуществлялась по намеченному плану. Если Ленину суждено было влюбиться в Инессу Арманд и это помогало делу революции, Крупская поднялась бы выше бытовых представлений о любви, супружеской верности и собственной женской гордости.

Пытаясь разглядеть треугольник: Ленин – Крупская – Арманд, я позвонила женщине-историку, которая посвятила изучению жизни и деятельности Крупской всю свою жизнь.

– Только, пожалуйста, не пишите, что Арманд любовница Ленина. Это такая чушь! Это неправда! Надежда Константиновна была очень гордым человеком, она не потерпела бы, она ушла бы, она не стала бы мешать их любви.

Сомневаюсь. Зная твердый характер Крупской, трудно себе представить, что она способна проявить гордость или унизиться перед соперницей, которая прежде всего – соратница. И помощница. И куда, спрашивается, ей уходить? От революции? От своей великой мечты, которую воплощает он? Из-за другой?

Умные женщины, желающие «держать мужа на длинном поводке», отлично умеют сделать подругой его возлюбленную и использовать ее в своих интересах – в данном случае общих, революционных. Возможно, они при этом страдают, почему бы нет – живые люди.

«В 1910 году в Париж приехала из Брюсселя Инесса Арманд и сразу же стала одним из активных членов нашей парижской группы, – писала Крупская, объясняя будущему человечеству, как все надо понимать, – она жила с семьей, двумя девочками и сынишкой. Она была очень горячей большевичкой, и очень быстро около нее стала группироваться наша парижская публика».

В то самое время у Надежды Константиновны появилась

своя душевная забота: в Париже объявился Виктор Курнатовский, за десятилетие, что они не видались, побывавший во многих ссылках, на каторге, приговоренный к смертной казни, сумевший бежать из Нерчинска в Японию, оттуда в Австралию, где жил в нужде, был лесорубом, надорвался и еле достиг Парижа.

«Исключительно тяжелая доля скрутила его вконец, – пишет Крупская о Курнатовском. – Осенью 1910 года по его приезду мы с Ильичом ходили к нему в больницу – у него были страшные головные боли, мучился он ужасно... Потом он поправился немного. Попал он к примиренцам и как-то в разговоре стал говорить тоже что-то примиренческое. После этого у нас на время расстроилось знакомство...»

Как же много может сказать женщина, если хочет что-то скрыть! Невольно вспоминается жестокий разрыв Ленина со «стариками»-народовольцами в Шушенском: любое другое мнение грозит разрывом с ним – он признает только согласие с собой. Нетрудно представить, что Курнатовский в результате тягот жизни, которые Ленину и не снились, мог наконец-то примириться с жизнью, но непримиримого Ильича это не устраивало. А раз Ильича, то, стало быть, и Крупскую?

Да, в любом другом случае она и не вспомнила бы о человеке, рассердившем Ильича. Но это был Курнатовский, ее маленькая тайна. Для него она сделала исключение.

«Я зашла раз к нему, – вспоминает Крупская, – он нанимал комнатку на бульваре Монпарнас, занесла наши газеты,

рассказала про школу в Лонжюмо, и мы долго проговорили с ним по душам. Он безоговорочно соглашался уже с линией Центрального Комитета. Ильич обрадовался и последнее время частенько заходил к Курнатовскому. Осенью 1912 года, когда мы уже были в Кракове, Курнатовский умер».

Писатель Марк Алданов в одном своем документальном романе рассказывает о страданиях и слезах Крупской, наблюдавшей за развитием отношений Ленина и Арманд. Если принять точку зрения Алданова и поверить, что Крупская в 1910 году страдала от ревности, то ее приход к Курнатовскому, вполне возможно, облегчил переживания?

Склонна я думать другое: по характеру скрытная, не позволяющая пятнышку появиться на белоснежной репутации своего вождя, Надежда Константиновна вряд ли искала у Курнатовского сочувствия своей ревности, даже если она и была, просто хотела бывать у Курнатовского, пусть уже старого и безнадежно больного, говорить по душам, помогать ему. Она хотела его видеть – вот и все.

А Курнатовский быстро и «безоговорочно соглашался с линией Центрального Комитета» просто потому, что хотел видеть у своей постели пусть постаревшую и подурневшую, но ту Наденьку Крупскую, впечатление о которой в долгих скитаниях согревало его душу. Ради столь скромного, едва ли не последнего желания с чем не согласишься?

Позднее, в 1912 году, в Поронине и Кракове, проводя много времени в обществе Инессы, Крупская вспоминала: «В середине конференции в Поронин приехала Инесса Арманд... у нее были признаки туберкулеза, – но энергии у ней не убавилось. С еще большей страстностью относилась она ко всем вопросам партийной жизни. Ужасно рады были мы, все краковцы, ее приезду...»

Сама Крупская тогда тоже нездорова: обостряется старая болезнь – «базедка» (так Надежда Константиновна во всех письмах к родным называла тиреотоксикоз. – *Л.В.*). Тюрьмы, ссылки, скитания по чужим городам подрывают здоровье женщин революции. Но какое это имеет значение, если они служат общему делу?

«Осенью мы все, вся наша краковская группа, очень сблизились с Инессой. В ней много было какой-то жизнерадостности и горячности. К Инессе очень привязалась моя мать, к которой Инесса заходила часто поговорить, посидеть с ней, покурить. Уютнее, веселее становилось, когда приходила Инесса... Она много рассказывала мне в этот приезд о своей жизни, о детях, показывала их письма, и каким-то теплом веяло от ее рассказов... Инесса была хорошая музыкантша, сагитировала сходить всех на концерты Бетховена, сама очень хорошо играла многие вещи Бетховена. Ильич особен-

но любил *Sonate pathétique*, просил ее постоянно играть – он любил музыку».

Внезапно Арманд покинула Польшу.

Крупская так объясняет отъезд Инессы: «Сначала предполагалось, что Инесса останется жить в Кракове, выпишет к себе детей из России; я ходила с ней искать квартиру даже, но краковская жизнь была очень замкнутая, напоминала немного ссылку. Не на чем было в Кракове развернуть Инессе свою энергию, которой у нее в этот период было особенно много...»

Может быть, именно здесь произошел разрыв любовного треугольника, чтобы окреп треугольник революционный?

«...Решила Инесса объехать сначала наши заграничные группы, прочесть там ряд рефератов, а потом поселиться в Париже, там налаживать работу нашего комитета заграничных организаций. Перед отъездом ее мы много говорили о женской работе. Инесса горячо настаивала на широкой постановке пропаганды среди работниц, на издании в Питере специального женского журнала для работниц...» – утверждает Крупская отъезд Инессы.

Но не все просто.

В декабре покинувшая Польшу Инесса присылает Ленину письмо из Парижа: «Дорогой, я бы и сейчас обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, говорить с тобой иногда было бы радостью – и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь

ли я за то, что ты “провел” расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя».

Она не хотела расставаться? Не хотела уезжать из скучной, замкнутой краковской жизни?

«Это никому не могло бы причинить боль», «ты сделал это не ради себя» – о ком это?

Надежда Константиновна?

В июле 1914 года Ленин пишет Инессе: «Пожалуйста, привези, когда приедешь (т. е. привези с собой), все наши письма (посылать их заказным сюда неудобно: заказное письмо может быть легко вскрыто друзьями)...

Пожалуйста, привези все письма, приезжай сама, и мы поговорим об этом».

В чьи руки не должны попасть письма? Кто такие друзья? Соратники или охранка? О ком это?

Надежда Константиновна?

Итак, попробуем думать, что с 1909 года у ленинской революции место Возлюбленной революции было прочно занято. Возлюбленная вместе с Женой работала на революцию не покладая рук. Возлюбленная моталась по Европе как большевистская связная, писала статьи для большевистских изданий, работала по организации съездов и конференций, переводила с языка на язык несметное количество чужих статей революционного содержания и множество документов, она сидела в европейской тюрьме за свою деятельность, причем в тяжелейших условиях. Возлюбленная рево-

люции делала для нее так же много, как Жена революции, но вряд ли испытывала необходимость взять на себя еще и весь быт Владимира Ильича, кое-как улаженный неумелой Крупской вместе со своей умелой матерью. Возлюбленная понимала, что семейное соединение ее с Лениным может оказаться если не гибельным, то неудобным для русской революции: ни пятнышка не должно замарать прославленную жилетку Ильича. Всем троим лучше было ничего не менять.

Конец 1914-го – Ульяновы живут в Берне, Инесса – тоже. Июль – август 1915-го – вдвоем отдыхают в горном пансионате «Мариенталь».

1916 год – после смерти матери Крупской Инесса заботится «об Ильичах».

Из «записной книжки»

Ивана Федоровича Попова

– Ты точно запомни, не записывай, пусть будут другие слова, но запомни смысл. Моя жизнь была связана с Инессой очень сильно, я бы сказал, кровно, насмерть. В определенный период нашей жизни, в тысяча девятьсот шестнадцатом году, мы вместе с ней решили: наши взгляды на революцию требуют пересмотра.

Мы ни с кем не говорили, только друг с другом, но оба пришли к тому, что Ленин слишком категоричен в суждениях, слишком далеко идет. Оба считали, что отечество нужно защищать, а не превращать войну империалистическую в

гражданскую. Тогда Инесса напомнила мне про ленинскую месть Романовым за брата и предположила в его отношении к самодержавию много личного.

А я вспомнил, как Ленин, когда был у меня в Брюсселе, однажды рассказывал, что уезжал на лодке по Волге с братом Сашей и над рекой стелилась песня. Он вспомнил казенного Сашу, помолчал и вдруг, как бы про себя, не обращаясь ко мне, прочитал строфу из пушкинской оды «Вольность».

Самовластительный злодей,
Тебя, твой род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью увижу.

Инесса шесть раз рожала (да, да, я точно запомнила, Попов сказал, шесть раз. – Л.В.), ей, как матери, страшны показались и пушкинские строки, и то, что Ленин их процитировал в связи с воспоминанием о Саше.

Мы долго говорили с ней. Она решила написать Ленину о своих сомнениях.

Написала и получила ответ, после которого сказала мне: «Уходи, Жан, уходи и не оглядывайся. Ты молод, слабоват характером, поэтичен. Все это не для тебя. Пиши книги и люби жизнь, если сможешь. А мне отступать некуда. Я под его гипнозом навсегда. Мне нельзя иначе. Если отступлюсь, значит, все мои жертвы были напрасны и жизнь прошла зря».

Спустя много лет я прочитала в известном ленинском

письме к Инессе Арманд: «Насчет защиты отечества. Мне было бы архинеприятно, если бы мы разошлись. Попробуем еще раз спеваться».

Это был ответ на письмо Инессы, готовой в 1916 году стать вместе с Поповым на позиции обороны отечества.

Она спелась. Не ослушалась своего Вождя.

Попов ушел к «оборонцам», и на этом кончился большевистский период его жизни. Дружбы с Инессой не прекратил.

* * *

Два треугольника составила Инесса в своей запутанной и бурной жизни: любовный и революционный.

Итог любовного треугольника она выразила в письме бывшему мужу и другу всей ее жизни Александру Арманду: «Я только теперь поняла вполне, как я была избалована жизнью, как я привыкла быть окруженной людьми, которые мне близки, которых я люблю и которые любят меня. И когда я подумаю о том, как мне стало невыносимо тяжело, когда я очутилась совсем одинокой, тогда как столько людей всю жизнь одиноки, мне стало даже неловко перед самой собой».

Революционный треугольник завершился ошеломляющим известием о Февральской революции, пломбированным вагоном через Германию в Россию и тысячными толпами на улицах Петрограда. Ленин на броневике, бросающий в массы лозунг: «Да здравствует мировая социалистическая

революция!», а внизу, за его спиной, кажущаяся массивной фигура Крупской и рядом худенькая, изящная Инесса – вся порыв или, как писал о ней один восторженный большевик, «горячий костер революции».

* * *

После Октября революционный треугольник окончательно обосновался в Москве. Ходили, и по сей день не исчезли, слухи о намерении вождя революции наконец-то соединить свою жизнь с Инессой и даже об отрицательном решении Политбюро по этому вопросу.

Живет сегодня и слух о намерении Крупской самой уйти от Ленина, отдать его Инессе.

Есть и такое: Крупская требовала переселить Инессу Арманд из Москвы в провинцию, дабы все было спокойно.

Много лет посвятившая жизни Надежды Константиновны исследовательница, вынужденная видеть ее сквозь розовые очки, сегодня позволяет себе быть откровенной: «В девятьсот десятом Ленин явился в Стокгольм на встречу с матерью и привез Инессу. Маман плохо – а как же Надя? Но роман был быстротечный. Он не очень афишировал эту связь, чувствовал, что она любвеобильна, окружена мужчинами – он привык властвовать один. Она? Тут посложнее: она иногда афишировала, хотела подчеркнуть свою близость к нему, как к вождю, но на перемене жизни не настаивала: эмигрант, без

денег плюс Надя висела, как груз на ногах. И хоть они, как возлюбленные, расстались задолго до революции, она вскоре после Октября устроила ему истерику, ей хотелось быть первой леди. Он было задергался, Надя умно повела себя. Помните фразу из ее воспоминаний: «Володя пошел к Инессе на Остоженку один, без охраны, я ему за это попеняла». Крупская даже хотела тихо отойти, отдать его Инессе. В девятнадцатом году поплыла на пароходе (имеется в виду поездка Крупской на агитационном пароходе «Красная звезда» по Волге до Камы и обратно. – *Л.В*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.